

НАШИ ГОДЫ

СТУДЕНЧЕСКИЕ

Физический факультет МГУ
1957–1963

Прошло уже более полувека с той поры, когда началась наша студенческая жизнь. До 1957 г., за немногими исключениями, мы еще вообще ничего не знали о существовании друг друга. Но уже тогда было нечто общее, объединяющее нас всех – все мы хотели поступить именно в МГУ, на физический факультет.

А еще мы были ровесниками (“ровесники, ровесницы, мальчишки и девчонки...” – помните?), мы родились перед самой войной, запомнили смерть Сталина, XX Съезд, события в Венгрии, кинофильмы “Тарзан”, “Три мушкетера”, “Возраст любви”, “Разные судьбы” и многое другое из той эпохи нашего детства и юности. Ко времени нашего поступления на физфак уже были созданы и испытаны атомные и водородные бомбы, летали баллистические ракеты, строились и работали большие ускорители элементарных частиц, т.е. физика была “в почете”.

Все это было увлекающе интересно и не могло не повлиять на наш выбор – штурмовать физфак МГУ. И мы пошли на штурм ...

О том, как это было, как мы поступали на физфак и как жили, дальше рассказывают наши воспоминания, представленные в этом сборнике

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

А.А. Самохин

Предыстория. Итак, сданы последние школьные экзамены, отшумел выпускной вечер с утренним бурным полосканием на левом берегу Дона и настала пора делать следующий шаг в жизни. К этому времени никаких колебаний уже не было - конечно же МГУ, конечно же физфак. Не только потому, что в тогдашних СМИ – газетах и радио (телевизора дома не было) – на протяжении ряда предшествующих лет было немало говорено о новом здании МГУ на Ленинских горах, о Дубне с ее синхрофазотроном (богатое слово!), об атомной и водородной бомбах. Фактически физика завлекла меня еще с детства самым естественным образом, поскольку отец мой был заводским электриком. Сдержанное загадочное гудение больших трансформаторов, гул больших моторов переменного и постоянного тока с блестящими медными коллекторами - все это, однажды увиденное и услышанное, будоражило затем детскую любознательность не меньше, чем “тайны” сгоревших и разбомбленных домов (“разбиток”), которых было полно в послевоенном Ростове.

Более подробное активное знакомство с физическими процессами происходило дома, в том числе и в такой недозволенной форме, как втыкание ножниц в электрическую розетку. Последовавшее за такими экспериментами физическое внушение не ослабило раннюю любовь малолетки к электрическим явлениям, а только сделало ее со временем более опытной и разнообразной.

Дальнейшему практическому постижению основ электротехники способствовало приобретение на ростовской толкучке ручной машинки, состоящей из трех сильных подковообразных магнитов, в поле которых с помощью убыстряющего редуктора вращался ротор с обмоткой из большого количества витков тонкого провода. От полуоборота большой шестеренки возникало такое напряжение, которого было достаточно, чтобы ощутимо “дернуть” замкнутую на мои руки цепочку из полдюжины дворовых ровесников.

Потом этой же дворовой команде был продемонстрирован другой физический эффект. Для этой цели использовался собственноручно изготовленный из приобретенных на толкучке материалов небольшой автотрансформатор 127/220 с дополнительной отдельной обмоткой из нескольких витков толстого провода. Напряжение на этой обмотке было маленьким (около вольта), и на ощупь его можно было почувствовать только языком. В то же время замыкание выходных клемм этой обмотки тогдашними стальными перьями (“уточки”, “лягушки”, “86” и др.) приво-

дило к их быстрому нагреву и оплавлению. В ходе одной из демонстраций этого эффекта я слишком поторопился подтвердить свое обычное заявление о том, что при перемыкании клемм языком “ничего не будет”. В данном случае это утверждение оказалось в корне неверным, и острая боль заставила меня быстро отсоединить зашипевший язык от низковольтных, но очень горячих контактов. Это было мое первое хорошо запомнившееся знакомство со сложностями экспериментальной действительности выходящих за рамки упрощенных теоретических утверждений.

Все это сопровождалось чтением разнообразной научно-популярной литературы о занимательной физике и астрономии (Перельман, Воронцов-Вельяминов), о микроскопах и телескопах, о бактериях и вирусах, о планетах и кометах и о многом другом. В последние школьные годы по разным причинам возрос интерес к ночному звездному небу, созерцание которого осуществлялось невооруженным глазом (глазами) и через телескоп, сооруженный из длиннофокусного объектива (ахромат диаметром 8 см) и окуляра от стереотрубы, приобретенных на толкучке и вставленных в картонную почти двухметровую трубу. Я и сейчас еще могу без всякой оптики различить в ясную погоду размытое пятнышко туманности Андромеды, а тогда... Сколько тогда открывалось нового и интересного! Здесь, на земле, на уединенной садовой лавочке, и там, в бесконечной черноте небесных глубин! Мне казалось, что через свою самоделку я вижу полярные шапки Марса во время его тогдашнего Великого противостояния, а явление ярких кометы Мркоса и Аренда-Ролана воспринималось почти как знамение. Сколько всего еще было впереди!..

Начало истории. Получив на руки аттестат зрелости и отправив его вместе со всем пакетом документов в приемную комиссию физфака МГУ по почте в конце июня, я приготовился было ждать какого-то ответа, пока до меня не дошла информация о том, что приемные испытания начинаются уже в июле. После этого я заторопился в Москву и прямо с вокзала вместе с чемоданом средних размеров предстал перед приемной комиссией где-то в самом конце июня или начале июля.

Письмо с моими документами, к счастью, не потерялось, но на первую волну собеседований для “золотых” медалистов я уже опоздал. Меня отправили в старое общежитие МГУ на ул. Стромынка 32, где я прожил примерно две недели. Общежитие показалось мне просторным, малолюдным и тихим. Из трех (?) абитуриентов, обитавших вместе со мной в одной комнате и поступавших на другие факультеты, сейчас могу назвать, к сожалению, только одного. Это Иван Литвинов из Свердловска, который 9 июля презентовал мне сохранившуюся у меня до сих пор страничку, исписанную азбукой Брайля. Иван был слепой. В последующие годы я несколько раз встречал его в ГЗ МГУ.

На физфак МГУ из нашего 10-А класса ростовской школы № 35 поступал также (и в итоге поступил) “серебряный” медалист Евгений Федюнькин, однако мои контакты с ним в потоке множества новых знакомств как-то быстро и почти полностью утратились, за исключением редких случайных встреч.

Абитуриентский быт в комнате на Стромынке был предельно прост. Зачастую за день я довольствовался только хлебом, сахаром и кипятком. Над Иваном порой грубовато подшучивали, переставляя в его отсутствие в другое место комнаты стол и большой платяной шкаф.

Собеседование я проходил, если не ошибаюсь, 4 июля в помещении рекреации под ЦФА. Двое экзаменаторов в “застольной” беседе задавали мне конкретные вопросы по механике, оптике и еще чему-то, но в итоге больше расспрашивали и слушали о причинах, побудивших меня поступать именно на физфак. Я пересказал им многое из того, о чем кратко написано выше в “предыстории”, и еще сказал, сославшись на “классиков”, что раньше физики плохо знали философию, а я хочу знать и то, и другое. Такая декларация о моих намерениях произвела своеобразное впечатление на экзаменаторов, и они даже переглянулись между собой.

В то же самое время за соседним “столиком” другой абитуриент в аналогичной ситуации говорил, что он хочет заниматься *электронным парамагнитным резонансом*. Смысл такого богатого словосочетания для меня был тогда совсем темным.

В том году конкурс среди медалистов был достаточно большой – человек 10(?) на место, но мне показалось, что собеседование я прошел успешно. Не помню, как и когда я узнал об этом официально. Во всяком случае, через неделю я уже считался студентом первого курса физического факультета МГУ, о чем свидетельствует сохранившаяся у меня “Личная книжка студента по физическому воспитанию и спорту” с датой выдачи 11.07.1957 г. Судя по записанным в ней данным, с той поры мой вес увеличился почти в полтора раза, а рост уменьшился на 1,8 %.

В колхоз, куда направляли зачисленных первокурсников, я не поехал. Из Москвы, где должен был начаться Фестиваль молодежи и студентов, я уехал в Ростов, откуда вернулся обратно к началу занятий. Из-за проблем с железнодорожными билетами в конце августа ехать в Москву из Ростова пришлось на рейсовом автобусе (по тогдашним дорогам!).

В начале сентября, уже после моего отъезда из Ростова, туда пришло письмо из Приемной комиссии МГУ с извещением о зачислении меня студентом первого курса физического факультета с предоставлением общежития и с такой вот дополнительной информацией:

“Начало занятий 2-го сентября в 10 часов. В случае неявки на занятия к указанному сроку по неуважительным причинам МГУ будет вынужден исключить Вас из числа студентов”

Так началась моя студенческая жизнь.

Курс первый и т.д. Индивидуальные воспоминания о событиях повседневной студенческой жизни уже более чем полувековой давности, представляет собой занятие, неоднозначное по своим результатам. Это занятие может оказаться незаметным началом прискорбного процесса, который в завершенном виде уже неотличим от необратимого впадения в детство. В данном случае хочется надеяться, что сей мемуарный возврат в прошлое пока все-таки обратим и кому-то еще может показаться в какой-то мере интересным. К сожалению, уже далеко не все подробности, возможно даже и очень интересные, сохранились в памяти, если они не подкреплялись повторяющимися разговорами о них или своевременной письменной или иной документальной фиксацией.

Из первого общего собрания курса помню только наставление о необходимости забыть, что многие из нас были первыми учениками в своих классах и школах, не расслабляться и подготовиться к серьезной работе. Это наставление запомнилось потому, наверное, что во время первого семестра неоднократно возникало ощущение слишком большой нехватки часов в сутках, чтобы как следует сделать все необходимое и не совсем манкировать все остальное.

Из первых лекторов больше всего запомнился неподражаемый Г.И. Сканави. Закон сохранения углового момента он, например, демонстрировал непосредственно на самом себе – после небольшого разбега вдоль стола резко закручивался с широко раскрытыми руками, а затем прижимал их к себе, увеличивал угловую скорость своего вращения.

На титульной фотографии нашего выпуска поместились далеко не все те, кто, каждый со своими нюансами, учил нас уму-разуму в разные периоды нашего студенческого бытия. Очень многие из них уже ушли из жизни...

Семинары по физике на первом курсе вел у нас Вадим Карлович Петерсон. Вызывает как-то ВКП к доске Эдика Гольдштейна: “Вот Вам задача, пишите решение”. Эдик, натура скорее художественная, чем строго математическая, начинает задумчиво рисовать во всю доску обозначенные в условии задачи блоки, нити и висящие на них разные массы. ВКП ждет, как обычно, сидя на задней парте. Изрисовав всю доску, Эдик останавливается и затихает. “А где же Вы решение писать будете?!” восклицает после затянувшейся паузы ВКП с некоторым как бы даже изумлением и недоумением. Эдик пожимает плечами тоже не без удивления - мол, сами видите, как все получилось, не знаю, как и быть теперь дальше. Другая сценка - ВКП заходит в аудиторию и объявляет: “Так, в следующий вторник будем писать контрольную, а в пятницу - переписывать, потому что материал вы усвоили плохо”. Аудитория начинает дружно ныть: “Ой, Вадим Карлович, давайте лучше сразу будем переписывать! Мы постараемся!”

Владлен Борисович Гласко, который вел семинары по матанализу в нашей группе, был также ее куратором, так что ему приходилось еще и

растолковывать нам премудрости тогдашней политики партии и правительства: “Товарищ Жуков, так сказать, роль партии, так сказать...” (Во время нашего первого семестра маршал Г.К. Жуков был снят с поста министра обороны СССР и понижен в своих партийных должностях). Владлен Борисович приходил также к своей пастве в общежитие в Черемушках. Одно из таких посещений мне запомнилось потому, наверное, что я тогда приболел и встречал куратора, не вставая в постели. Владлен Борисович, сидя около кровати, о чем-то говорил со мной, кажется, все о том же попавшем в опалу Жукове. Этот визит в какой-то мере мог быть связан и с моим отсутствием на занятиях, что тогда не оставалось без внимания администрации.

Многоступенчатое проявление такого внимания, в дополнение к собственной инициативе, побудило как-то нас – Юру Пещерова и меня – отправиться домой к нашему однокласснику Э. Федосееву, который по неизвестной причине уже много дней не появлялся на занятиях. Отправившись вечером по данному нам адресу куда-то на Пресню, мы очутились в итоге в страшноватом по своей замызганности подъезде, едва освещенном тусклой лампочкой в абажуре из толстой проволоки и паутины, перед дверью с многочисленными кнопками звонков с похожими надписями: «Звонить только таким-то». После звонка нужной кнопкой дверь нам открыла, наверное, мамаша искомого студента и сообщила, что Эдика нет дома, что он каждый день с утра уезжает в университет и возвращается очень поздно. Несколько ошарашенные, мы попросили ее передать Эдику, чтобы он встретился с нами на физфаке, и выкатились из подъезда. Через несколько дней Эдик рассказал нам, что он вместе с другими энтузиастами красит купола и крыши и времени у него на все не хватает. Он покинул курс, кажется, еще до первой сессии.

Смутно вспоминается еще один сокурсник, сосед по комнате в Черемушках, который тоже рано расстался с курсом совсем по другой, можно даже сказать по прямо противоположной причине. Положив однажды перед собой на наш общий стол в комнате толстую стопку учебников по матанализу, он объявил присутствующим, что мы не так учимся, а он будет это делать как надо. Такое начинание, как и в случае с Федосеевым, тоже не кончилось добром. Много интересных и своеобразных личностей было на нашем курсе. Может быть, когда-нибудь еще придется вспомнить об этом, несмотря на то, что вероятность такой возможности постоянно уменьшается...

Кроме Ломоносова и Пушкина, на нашем курсе (в нашей группе) учился также Лапушкин. В этом тоже улавливалось что-то историческое – Лаплас, Лагранж, Лавуазье... ЛаПушкин! А одна из наших строгих “англичанок” в этой связи отмечала: “Какая у Вас ласковая фамилия – Лапушкин!”. Но уровень своей преподавательской строгости при этом вроде бы не снижала.

Основная часть пути от общежития на 5-й Черемушкинской до МГУ преодолевалась на трамвае с наружными поручнями, которые давали возможность «висеть» на подножке и ехать тем, кто уже не мог влезть внутрь вагона. После поворота на ул. Вавилова около остановки «Село Семеновское» располагался действующий коровник, благоухавший натуральными деревенскими парными ароматами. Этого сооружения уже давно нет, на его месте висится некий дом художников, а впоследствии возникший по диагонали через перекресток от места бывшего коровника Черемушкинский рынок сейчас тоже сносят...

Пеший участок пути от конечной остановки трамвая вечно опаздывающие первокурсники преодолевали быстрым шагом, а то и бегом, мимо 19-го корпуса, административного корпуса и здания, где располагалась ЭВМ «Стрела». В это здание нас как-то повели на экскурсию. Высокие шкафы с множеством заполошно мерцавших электронных ламп произвели надолго запомнившееся впечатление.

А в черемушкинском общежитии запомнилась неожиданная встреча в подвальной комнате, где была камера хранения. Впервые попав в эту темную комнату, я после щелчка выключателя внезапно оказался совсем рядом со Сталиным, большой бюст которого в заваленном всякой всячиной тесном помещении показался просто громадным.

Одним из обитателей нашей жилой комнаты на втором этаже был второкурсник – китаец по имени Тань. Скромный, даже вроде как робкий, он сам готовил себе еду в большой алюминиевой кастрюле в кухне в дальнем конце коридора, а потом приносил эту кастрюлю в комнату и смиренно потреблял ее содержимое. Как правило, это была просто вареная капуста, но в таком количестве, которое уже явно не предполагало каких-либо других дополнительных блюд. Привыкший дома в Ростове к различным запахам коммунальной кухни с ее примусами, керосинками и керогазами, я индифферентно относился к этому регулярному капустному пиршеству, однако другие обитатели комнаты довольно часто выражали свое неудовольствие однообразием меню нашего китайского товарища.

От первой сессии не осталось в памяти ничего (хотя где-то у меня должны быть какие-то записи), а от второй (весенней) запомнился поход в ГАИШ на досрочную сдачу экзамена по астрономии к самому Воронцову-Вельяминову. Замечательный человек, замечательная погода, весенняя радость бытия... Первый курс заканчивался, и все было еще впереди.

Целина. Если наше поступление на физфак сопровождалось Международным фестивалем молодежи и студентов, то между первым и вторым курсом нас ожидало еще одно неординарное событие – поездка на целину. Это был большой дополнительный опыт погружения в реалии тогдашнего советского бытия.

Вопрос о поездке предварительно обсуждался на собрании курса. Студенческая общественность на этом собрании не проявила должной идеологической подкованности, обозначенной в хорошо известных тогда словах: «Партия сказала, комсомол ответил – есть!» Решение о поездке принято не было, если не считать заявления о том, что «добровольцам препятствий не чинить». Несмотря на такое волеизъявление, нам потом раздали «путевки», в соответствии с которыми нам предстояло «прибыть» и т.д.

Поездка началась в середине или второй половине июля с дальних путей не помню уж какого вокзала, где нас поджидал составленный из товарных вагонов (теплушек) специальный состав. В теплушках по обе стороны от широкой центральной двери располагались двухэтажные, просторные, во всю ширину вагона, нары с каким-то похожим на матрасы барахлом. Ехали мы дней пять вне пассажирского расписания, со стоянками на каких-то разъездах, тупиках или просто в чистом поле.

В дорогу нам выдали одинаковые рубашки и еще что-то в виде сухого пайка «на всех». Не могу вспомнить, была ли в вагоне в соответствии с его названием печка-буржуйка, но кипяток в вагоне вроде бы появлялся - то ли из горячих кранов на станции, то ли варился на этой проблематичной печке в вагоне.

Случались также кормежки в станционных пищеприемных пунктах, предназначенных для транзитных солдатских эшелонов. Запомнилась одна из таких трапез очень ранним утром - миска каши и никаких приборов. Во всяком случае, голодными мы не были, что подтверждается эпизодом с несколькими палками копченой или полукопченой колбасы. За несколько июльских дней эта колбаса покрылась белым налетом. Есть ее не стали, а привели в товарный вид путем обмывания в ведре с водой и после этого продали на какой-то станции.

Умывались на стоянках из-под кранов, в том числе порой и под теми большими «водокачками», которые использовались для заправки паровозов водой и своей низвергающейся с немалой высоты толстенной струей производили буквально потрясающее впечатление на желающих под нее встать.

Приметным эпизодом в этом и без того не очень скучном путешествии была встреча нескольких студенческих целинных эшелонов, кажется, в Кургане. Особое внимание было направлено на эшелон из Одессы – «Ребята, тащи сюда ведро воды, посмотрим, как эти моряки плавают!»

Но все когда-то заканчивается, и вот мы уже едем по узкоколейке до нашего пункта назначения. Очередное наше пристанище материализовалось в виде здорового пустого амбара с заботливо приготовленными для нас голыми нарами. Около амбара был приготовлен немалый запас сена-соломы для набивки матрасных чехлов, чем мы тут же и занялись. Оказавшийся рядом со мной Юра Крымов убедительно объяснял окружающим необходимость как можно более плотной набивки

матраса, чтобы потом на нем было удобнее спать. В процессе этой набивки Юра преуспел больше всех, и это имело свои последствия. На его туго набитом матрасе, который превратился в толстый и жесткий цилиндр, практически невозможно было удержаться во время сна. Долгое время по ночам Юра неоднократно сваливался с него то вправо, где, если я правильно помню, почивала Стелла Салина, то влево, в сторону моего матраса, который я не удосужился в процессе набивки довести до столь же идеального цилиндрического состояния. После брыканий и тычков справа и слева, Юра взбирался-таки на вершину своего матраса, а затем все повторялось снова.

Во время нашего общего амбарного бытия мы были заняты, среди прочего, на строительстве коровника (или птичника?), на заготовке силоса (два Юры – Крымов и Бырдин – катались на тракторе С-80, трамбуя зеленку в силосной траншее), на ремонте комбайнов. Здесь я впервые вплотную познакомился с изделиями ростовского Россельмаша – комбайнами РСМ-8 и РСМ-6 (бывший Сталинец-6), со всякими там бильными и штифтовыми барабанами, биттерами, пиккерами и прочими хедерами и мотовилами. На ремонте комбайна какое-то время я трудился вместе с Эдиком Гольдштейном.

Потом началась уборка, и нас раскидали по нескольким полевым бригадам. Наверное, вместе со «своим» комбайном или по какой-то иной причине, я оказался сначала чуть ли не в единственном числе из студентов нашего курса в четвертой бригаде, где были в основном законченные третьекурсники.

Вместо амбара основным жильем для нас теперь был длинный шалаш без всяких нар, что еще больше приближало нас к родной земле (теперь это за граница). Когда совсем похолодало и полетели белые мухи, приходилось для локального удержания тепла укрываться дополнительными матрасами. Как «механизатору» мне посчастливилось также какое-то время пожить в более комфортабельных условиях в мазанке и вагончике с двухярусными нарами и с буржуйкой, которую ночью надо было дополнительно (и не один раз) подтапливать.

У вагончика был маленький тамбур и основное, кажется, однооконное, «помещение» с четырьмя (или шестью) двухярусными нарами в одной его половине и остающимся свободным от нар пространством в другой половине, где как раз помещались три раскладушки.

Ночевали в вагончике два взрослых настоящих механизатора из Крыма (с. Красногвардейское), один из них Герой социалистического труда, еще молодой парень оттуда же, потом две более местные молодки – одна казахстанская немка, другая вроде бы повариха, и еще кто-то, не считая меня. У молодого с поварихой началась любовь, он обещал на ней жениться, а пока они репетировали свой медовый месяц в вагончике.

В мазанке, которая днем функционировала как какая-то контора, я ночевал один или два раза вместе с трактористами, машины которых всю ночь тарыхтели под окнами. Двигатели этих ДТ-54 не глушились на ночь, потому что у них не работали пускатчи, а отпускать далеко от себя заведенные трактора их хозяевам, наверное, не хотелось. В свободное от работы и начальства время трактористы – молодые парни – развлекались, как могли. Выясняли, например, кто кого перетянет на сцепленных задками тракторах. Рыкание дизелей, черный выхлоп, лязг металла, комья земли, богатое словесное сопровождение от болельщиков – в общем, впечатляющее зрелище. Как-то во время такого не совсем социалистического соревнования у одного из тракторов сломался шкворень и еще что-то у буксирного устройства. Начальство потом выразило свое к этому отношение соответствующими словами и, наверное, еще чем-то.

Лихие трактористы могли представлять опасность не только для железных коней. Нас, зеленую молодежь, специально предупреждали, чтобы мы ни в коем случае ни по каким причинам не прятались в разбросанные по полям копешки, поскольку трактора без комбайнов ездили, как правило, не по дорогам, а напрямки, уминая попадающиеся на их пути копны.

Второй этап раздельной уборки (подборка и обмолот валков) тогда долго не начинался из-за дождей. Кое-где уже началось прораствание зерна в валках, прибитых дождями к земле. Комбайнеры, в особенности взрослые, приехавшие, в отличие от нас, на реальные заработки, томились в ожидании настоящей уборки, когда «пыль стоит столбом».

Погода все-таки выдала для настоящей пыльной уборки два или три коротких периода, во время которых работа шла сутками напролет. В ночной степи медленно плыли светящиеся огоньки комбайнов и метались снопы света от фар грузовиков ГАЗ-51 или ЗИС-5, спешивших принять в свои кузова зерно из наполненных комбайновых бункеров. Утомленные трактористы, убаюканные теплом и грохотом работающего дизеля, нередко довольно крепко засыпали в своих кабинах. Это обнаруживалось по нарастающему отклонению от валка или по отсутствию своевременной реакции на сигналы комбайнера в случае обрыва полотна или «затыкания» барабана от слишком большой порции колосьев, что обычно сопровождалось соскакиванием широкого передаточного ремня между шкивами комбайнового двигателя и барабана.

Для дополнительной (кроме малоэффективной голосовой) связи между комбайнером и трактористом обычно использовалась веревка или проволока, один конец которой находился на мостике, а другой у тракториста в кабине, где к нему привязывалась способная к дребезжанию и лязгу пачка из каких-нибудь метизов. Как правило, после резких подергиваний за конец на мостике такая связь срабатывала и будила тракториста. Но это не всегда получалось. Однажды ночью комбайнер,

отчаявшийся остановить трактор, продолжавший тащить комбайн с заклиненным барабаном, стал кидать в кабину довольно-таки весомые болты и набил заснувшему трактористу здоровенную шишку, едва не пробив ему голову.

Погожие деньки пролетели быстро, хлеб собрать не успели, и началась «мокрая» уборка, когда колосья плохо обмолачиваются, а трактора едва вытягивают вязнущие в грязи комбайны, выдергивая порой у них передки. Урожай в итоге был, помнится, меньше десяти центнеров с гектара, а качество собранного зерна, и без того далеко не отборного, отнюдь не улучшалось за время его пребывания на открытом току.

Так заканчивалось мое пребывание на целине. Помню начало «отвального» вечера вместе с В. Письменным и С. Литвиненко, потом разговоры про все, в том числе и про статью о М. Бернесе, а еще потом было нелегкое просыпание на следующее утро.

На этом не самом возвышенном моменте сейчас мне приходится ставить точку, поскольку только что выяснилось, что для са-а-мого верха нужно очень срочно составлять прогнозы развития науки до 2030 года, и начальство в институте мобилизовало для решения этой сверхсрочной задачи всю подвернувшуюся под руку живую силу. Эти завихрения текущего бытия в очередной раз заставляют отвлечься от эпохи нашей студенческой молодости, но надежда снова вернуться к воспоминаниям о тех временах пока еще остается. *Dum spiro, spero.*

КАК Я ПОСТУПАЛ В МГУ

(фантазмагорическая, сугубо правдивая история)

Л.А. Савров

ПРОЛОГ

Как известно, торжественное открытие нового комплекса МГУ на Воробьёвых (тогда Ленинских) горах состоялось 1 сентября 1953 года. В достославном городе Брянске, где я тогда жил, это событие заранее широко освещалось местной прессой, в кинотеатрах перед каждым сеансом крутили хронику, и этот сюжет занимал своё достойное пропагандистское место. Я стал подумывать о том, что, пожалуй, было бы неплохо попасть в лучший университет страны. И именно тем летом родители решили переехать в Башкирию из-за более перспективной работы.

На вокзале мои смутные желания о будущей, достаточно отдалённой учёбе (я тогда закончил восьмой класс) были подкреплены весьма необычной церемонией. Когда мы всей семьёй и с кучей вещей

вывалились, отдуваясь, на перрон, грянул военный оркестр, и огромная толпа разразилась аплодисментами.

– Мам, с чего это нас так провожают? – спросил я, желая немного повыпендриваться.

– Не знаю, сынок, – отрешённо ответила она, потому что была слишком занята моими младшими, братом и сестрёнкой.

– Брянск так рад от тебя избавиться, что готов на любые церемонии, – ядовито заметил отчим, который никогда не давал мне спуска.

К моему полному удивлению, всё это торжество имело место по случаю отъезда на собеседование в МГУ первой золотой медалистки лучшей школы города. Пресса, местная киностудия, партийные и советские работники, учителя, одноклассники, родственники и зеваки – все были тут. Речи, напутствия, цветы, объятия и прочее, сама девочка совершенно ошалела от такого праздника. Я мысленно пожелал ей удачи, представив, что будет, если ей придется возвращаться не солоно хлебавши.

На новом месте, в небольшом башкирском городке, меня прежде всего поразило ночное тёмное августовское небо с огромными звёздами в безлунные ночи. Взяв в библиотеке книгу Перельмана «Занимательная астрономия», в которой была карта созвездий, я стал по ночам, вооружившись фонариком и биноклем, лазать с этой книжкой на крышу нашей трёхэтажки, чтобы отождествлять карту с реальным небом. После этих ночных бдений и чтения ещё нескольких книг по астрономической тематике учебник «Астрономия» Воронцова-Вельяминова, по которому мы учились в десятом классе, показался мне просто детской сказкой. Но я и предполагать тогда не мог, что через несколько лет буду учиться у самого Бориса Александровича, а затем работать рядом с ним до самого конца его долгой жизни.

По семейным обстоятельствам мне пришлось забыть о своей мечте, я оказался в Ленинграде (Питере, как всегда его называли коренные жители) в секретной военно-морской инженерной академии. Проучившись там два года из шести, я окончательно понял, что с нашими доблестными вооружёнными силами мне увы не по пути. Как удалось вырваться из этой системы – это отдельная песня, но 1 августа 1957 года я бодро вскочил в купейный вагон «Красной Стрелы» и, как чеховские героини, с криком «в Москву, в Москву!» покатил в столицу. В соседнем вагоне, кстати, катил главный чех товарищ Новотный, благодаря чему нам была обеспечена вооружённая охрана в тамбурах, а также, по прибытии, выход в город через задворки Ленинградского вокзала.

Паспорта у меня, а значит, и прописки, естественно, не было, документы состояли из комсомольского билета и курсантской книжки. Аттестат зрелости и академическая справка проходили в тот момент инстанции в недрах огромного здания в центре Москвы, в котором располагалось Управление Высших Военно-учебных заведений СССР.

Поселился я в своём любимом московском месте у тётки: Горького (Тверская) 15, рядом с Моссоветом (бывшим домом генерал-губернатора, а теперь мэрией).

ПРАЗДНИК

В Москве бушевал седьмой Международный Фестиваль Молодёжи и Студентов. И я разбушевался вместе с ним тоже. Позабыв все благие намерения, кинулся в водоворот этого удивительного события. Будь снисходителен, читатель: ведь я вырвался из настоящей тюрьмы, хотя наша секретная система могла показаться раем, по сравнению с действующей армией, да и не только с ней, что подтверждалось рассказами ребят, благодаря хорошей учёбе и удачным разнарядкам военкоматов попавших в Питер из глухих деревень нашей необъятной Родины.

Тверская в те дни представляла из себя экзотический майдан, на котором разнорасовая и разноцветно одетая толпа клубилась водоворотами, возникающими вокруг отдельных представителей иностранных делегаций, рискнувших на минуту оторваться от своих. Потрясающая картина: посреди тротуара у моего дома стоит ошеломлённо улыбающийся здоровенный негр в лиловом балахоне, а вокруг него плотная толпа самых разных по составу и возрасту советских граждан, которые, старательно отпихивая друг друга, просят автограф, пытаются угостить непонятно откуда взявшейся домашней малиной, воблой, чёрным хлебом и ещё бог знает чем. А согбенная бабулька в каком-то засаленном салопе и деревенском платке гладит его по рукаву и причитает в голос: «Бедненький, его же колонизаторы совсем замучили, небось исстрадался весь, поедем к нам в Кураповку, у нас народ душевный, мы тебе пропасть не дадим».

Удачно присоединившись к румынской делегации, я две недели колесил с нею по городу, посещая все официальные встречи, концерты, спортивные состязания и участвуя в вечерних неофициальных сборищах и танцах, возникающих по вечерам около гостиниц на ВДНХ. Немудрено, что ни о каком поступлении куда-либо учиться уже не шло и речи.

И вот отгремел потрясающий заключительный фейерверк, устроенный с помощью китайских друзей. Мы с дядей сидели вечером числа 20-го на кухне и заедали рюмку водки дымящейся картошкой и солёными огурчиками.

– Что ты теперь собираешься делать, – спросил дядя, кстати, замечательный человек и действительно «самых честных правил».

– Не знаю, – искренне ответил я. – Все сроки пропущены, к тому же до сих пор мои документы в неизвестных мне инстанциях.

– А где бы ты мечтал учиться, мечтал по-настоящему?

– По-настоящему, в МГУ на астронома, – ответил я.

До этого я не заикался ни единой душе о своих планах, но дядю уважал, к тому же вопрос попал под настроение, так что, рассказал я ему и про Брянск и про крышу дома, карту неба, фонарик и бинокль.

– Я скажу тебе банальную вещь, но она проверена мною лично во время войны. Если у тебя есть мечта, делай всё, чтобы её осуществить, не оглядываясь назад и не отвлекаясь на запасные варианты.

– Но ведь уже поздно.

– Никогда не бывает поздно, если хочешь по-настоящему. Действуй, – сказал дядя, как припечатал.

ПЕРВЫЙ ШАГ

И я начал действовать. Потребовалась неделя телеграмм, телефонных звонков в Питер, хлопоты питерской родни, собственная настырность в поисках недоступных для населения телефонных номеров, но в результате некий одутловато-одышливый полковник, презрительно и криво улыбаясь, вынес-таки в проходную Управления мой аттестат зрелости и академическую справку за два курса.

27 августа в девять утра я доехал на 111-м автобусе до клубной части МГУ. Большой щит со сведениями о приёмной университетской комиссии стоял на своём, как потом выяснилось, обычном месте справа от ступеней ДК (сторона физфака). Председателем комиссии значился проректор Кузьма Иванович Иванов. «К нему-то мне и надо», - подумал я, помятуя о том, что большие начальники любят под настроение решать положительно незначительные дела. Зная, естественно, о пропускной системе, решил сначала обойти небоскрёб вокруг, изучая обстановку.

Я стоял на ступенях лестницы перед главным входам, любуюсь фонтанами, когда на площади остановились два автобуса, и добрая сотня американцев, вывалившись из них, направилась к зданию, горланя, фотографируя статуи и огромные дубовые двери (кстати, они декорированы названиями специальностей, получаемых в МГУ, и на центральной из трёх дверей в самой середине навечно красуется надпись «астрономия» с соответствующим изображением). «Это мой шанс», – подумал я и врехался в самый центр американской толпы.

Оказавшись внутри, я, не торопясь, сориентировался и добрался до девятого этажа, где находился ректорат. В прямоугольном холле слева висела табличка «проректор К.И. Иванов». «Вперёд, на приступ», – скомандовал я сам себе и открыл тяжёлую дверь. За дверью, конечно, оказалась приёмная со скучающей секретаршей. После обмена дежурными фразами выяснилось, что проректора нет на месте и неизвестно, когда он будет. Я понял, что всё зависит от моего обаяния и умения контактировать, потому что женщине, к счастью, явно было скучно. Нужно было подать свою историю красиво, весело и душевно.

Беседовали мы часа два. В конце концов, она сообщила: «Он обещал зайти в четыре часа подписать текущие бумаги. Будь здесь без четверти, я

попробую что-нибудь сделать. А пока иди, погуляй и обязательно поешь». Последовав совету, я стал изучать главное здание, а заодно и пообедал в профессорской столовой на втором этаже, завязав знакомство с официантками, благодаря которому много лет питался там без очереди, особенно в годы аспирантуры, будучи отцом-одиночкой, когда обслуживающий женский персонал проникся моим положением.

Ровно без четверти четыре я скромно сидел на мягком кожаном диване в приёмной проректора. В шестнадцать ноль пять отворилась дверь, и, приветливо поздоровавшись с секретаршей, человек, от которого, казалось, зависела моя судьба, быстро прошёл в кабинет. На самом же деле судьба зависела от этой обычной женщины средних лет, от её характера, настроения в этот день, состояния здоровья, наконец. Конечно, утром, увидя, что, в принципе, мне с ней повезло – с первых же слов возникла обратная связь и кое-что зависит уже от моих способностей убеждения, я приободрился, но всё же вероятность удачи была пока ничтожная.

– Ну, с богом, – сказала секретарша, – сиди тихо и жди, я постараюсь ему подать тебя в выгодном свете.

Я послушно кивнул головой, подумав про себя: «Уж постарайся, голубушка, я ведь, можно сказать, вывернулся наизнанку, пересказав всю свою короткую жизнь». Она взяла папку с документами и исчезла за дверью кабинета. Минут через десять дверь моей надежды приотворилась, женщина выскользнула с удовлетворённой улыбкой и быстро прошептала, сопроводив свои слова приглашающим жестом: «Иди, у тебя всего пять минут».

Благодетель Кузьма Иванович пребывал в хорошем настроении. Я по-военному чётко и кратко изложил ему своё положение и желание поступить в МГУ на второй курс обучения, а затем положил перед ним аттестат зрелости и академическую справку. Отметки в документах ему понравились.

– Что ж, – сказал он, – не вижу причин, почему бы вам не попробовать. Только учтите, через три дня – последнее заседание приёмной комиссии МГУ. Вы на какой факультет собрались?

– Точно не знаю, – ответил я. – На тот, где есть астрономия.

– Тогда вам на мехмат, – сказал он. – Недалеко идти, поднимитесь на двенадцатый этаж к замдекана по учебной части, скажите, что были у меня. Желаю удачи, до свидания.

Ни он, ни я не думали, что свидание совсем не за горами. Я поблагодарил, попрощался и пулей взлетел на двенадцатый этаж. Фамилия замдекана в моей памяти утратилась, то ли Ширшов, то ли Шишов, но то, что он редкостный прохиндей, я понял сразу. Тридцать секунд он потратил на то, чтобы выяснить, насколько заинтересован во мне проректор, и, как я ни изворачивался, понял, что я так, сбоку припёку. Поведение его сразу стало вальяжным и двусмысленным.

– Значит, собрались сразу на второй курс. А вы отдаёте себе отчёт, как вам будет трудно? У нас очень сложная программа, это вам не инженерные дела. Кстати, приёмные экзамены закончились, а абитура в этом году такая слабая. Представляете, не могут решить вот такую простую задачу.

Он быстро набросал кроки и подтолкнул листочек ко мне. Листочек легко заскользил по лакированной дубовой поверхности огромного овального стола и остановился точно передо мной.

– Я вообще-то не предполагал, что сразу придётся экзаменоваться, да и насколько понял Кузьму Ивановича, для поступления на второй курс приёмных экзаменов сдавать не надо, хотя, в принципе, эту задачу можно попробовать решить следующим способом.

Набросав несколько линий и пару уравнений, я подтолкнул листочек к нему. В подобном духе наша беседа длилась минут пятнадцать. В конце концов, с явным сожалением он просмотрел мои документы и вяло поинтересовался: «И какие же у вас конкретные интересы?» – «Астрономия» – ответил я, слегка торжествуя про себя. Столь мгновенное полное перевоплощение мне приходилось видеть только у великих театральных и киноактёров.

– Дорогой мой, – воскликнул он, радостно сверкая взором. – Так вам не к нам, не к нам, вам надо на физфак, астрономическое отделение уже год, как перевели туда. Желая удачи, счастливо, рад был познакомиться.

Он буквально всунул мне в руки документы и чуть ли не вытолкнул в коридор. «Ни фиги себе», – ошеломлённо подумал я. Помыслив минуту, поскакал вниз по лестнице на три этажа. В голове билась лишь одна мысль: «Только бы не ушёл Кузьма Иванович».

В приёмной никого не было. Сердце бухнуло, затряслись руки. Храбро без стука толкнул дверь кабинета, и – о, чудо! – она открылась. Кузьма Иванович сидел за столом и что-то просматривал.

– Вы? – удивился он.

– Я, – отвечал я и, захлёбываясь словами, торопливо изложил ситуацию.

Он подумал буквально минуту, потом протянул руку к телефону. На другом конце провода, к счастью, тут же ответили. Кузьма Иванович произнёс фразу, которая останется у меня в памяти на всю жизнь.

– Игорь Иванович, здравствуйте, это Кузьма Иванович. Тут у меня сидит молодой человек, фамилия Савров, он сейчас подойдёт к вам, его надо принять.

И положил трубку. Вот это да!

– Бегите на физфак к замдекана Ольховскому. Надеюсь, опять возвращаться не придётся, – напутствовал он меня с определённой долей иронии, смысла которой я тогда не уловил.

ВТОРОЙ ШАГ

Побежал я на физфак, чуть не потеряв пиджак. Нашёл дверь в кабинет с табличкой «И.И. Ольховский», постучался и вошёл. У стола сидели двое. Тощий и полноватый. Злой и добрый. Как выяснилось, замдекана Ольховский и председатель приёмной комиссии физфака профессор Леонид Вадимович Лёвшин. «Неужели злыдень – это Ольховский», – промелькнула мысль. Оказалось, так и есть.

– Это вы Савров? – скрипуче поинтересовался он. – И что это вам так приспичило? У нас приёмные экзамены практически закончились.

Я уже заученно и быстро изложил свою историю и протянул документы.

– Не знаю, не знаю, – продолжал он. – Вот у вас в справке указаны учебные часы по математике и физике, объём значительно меньше, придётся досдавать в процессе учёбы, другие предметы тоже набегут.

– Когда и сколько? – коротко спросил я, понимая, что тут уже не до сантиментов.

– Месяца за два, предметов пять или шесть.

– Сдам, – получил он резкий ответ.

– Позвольте высказать предложение, Игорь Иванович? – вмешался Лёвшин. И после разрешительного междометия продолжал, обращаясь ко мне. – Знаете, это очень трудное дело, вам придётся втягиваться в нашу программу, астрономическое отделение начинает свои предметы сразу с первого курса, досдача отнимет много сил. Я ведь сам пришел на физфак не сразу, а после первого семестра, поучившись в другом вузе, поэтому говорю не понаслышке. Вы ещё совсем молодой человек, не так страшно потерять два года учёбы, они не пропадут. Я рекомендую вам поступить на первый курс, и вопрос о досдаче не возникнет. Вы согласны?

– Конечно, согласен, – мгновенно ответил я.

– Вот и хорошо. Как вы, Игорь Иванович?

– Ну, не знаю. Порядок есть порядок, он должен сдать вступительные.

– Да зачем же вступительные? – продолжал Лёвшин. – У него медальный аттестат, отличная академическая справка. Давайте примем.

– Нет, – жёстко отреагировал Ольховский. – Для порядка он должен сдавать.

– Сколько? – спросил я.

– Как положено, пять, – был ответ.

– Я готов, – заявил я, хотя внутри всё оборвалось, но одновременно в душе закипала дикая злость, и, зная свой характер, я, в самом деле, был готов начать прямо сейчас.

– Ну, Игорь Иванович, это несерьёзно, у нас завтра последний день, а послезавтра уже заседание комиссии, он физически не успеет, – мягко заметил Лёвшин. – К тому же, всё-таки, у него есть привилегии по отметкам.

– Тогда два, – упорствовал Ольховский. – Мало ли, что медаль и отличник. Мы всё равно должны проверить сами.

– Какие предметы? – спросил я, уже значительно заведённый.

– Математика, письменно и устно, – отвечал Ольховский.

Тут мне опять стало совсем не по себе. Два года заниматься высшей математикой, а теперь возвращаться к сугубо школьному курсу с его жуткому числу сочетаний из «н» по «м» и прочим тригонометриям – ничего себе.

– Да зачем же математику? – опять вежливо вмешался Лёвшин. – Мы ведь на физфаке, уж если вы настаиваете, пусть сдаёт физику, один экзамен устно.

– Хорошо, – вдруг согласился Ольховский, – но не один, а два: письменно задачи и устно по билетам. Я пишу записку в комиссию, оформляйтесь, явка завтра в девять утра.

– Игорь Иванович, дадим ему хотя бы сутки. Пусть будет послезавтра, ведь комиссия у нас вечером, – предложил Лёвшин.

– Ладно, так и быть, пусть подготовится, – сменил Ольховский гнев на милость.

«Он убеждён, что мне не пробиться», – думал я, идя по второму этажу физфака в комнату приёмной комиссии, где, как оказалось, оформителями подрабатывали три красивые девчонки, третькурсницы исторического факультета. У нас, конечно, сразу возник хороший контакт, ведь у меня в запасе была куча занимательных историй из жизни военного моряка. И вот в процессе беседы и оформления вдруг выяснилось, что без медицинской справки документы мои принять никак невозможно.

– Девочки, а конкретно, какого типа справка должна быть? – спросил я.

– Или типовая форма 286 для школьников, или медсправка из нашей университетской поликлиники, – сообщили девочки. – Она, кстати, работает до восьми вечера, беги туда и постарайся прорваться. Завтра донесёшь нам справку, и всё будет формально в порядке.

МЕДИЦИНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В секторе «Е» главного здания, где находилась поликлиника, было не протолкнуться уже на входе. Оказывается, огромное количество абитуриентов, то ли принятых медалистов, то ли ещё по каким-то причинам срочно проходили полный медосмотр. Ну, народ-то молодой, в основном, а у меня к тому времени накопился большой опыт общения с медперсоналом, так что, не раскрывая всех тонкостей, скажу только, что через часик я оказался в очередном кабинете у невропатолога, который и должен был дать заключение для заведующей отделением. Невропатолог – весьма приятная женщина – дала его на основе изучения медицинского обоснования моего комиссования из вооружённых сил, которое значилось у меня в курсантской книжке. Что написано пером, того не вырубить

топором: «По состоянию здоровья годен к обучению на гуманитарных факультетах».

– Приехали, – вяло подумал я, забираясь в сто одиннадцатый автобус, чтобы ехать к себе на Тверскую. – Стоило проходить такую мясорубку и оказаться у разбитого корыта.

– Ничего, – сказал дядя вечером на кухне. – Утро вечера мудренее. Куда ты завтра?

– На вокзал, – и, отвечая на невысказанное недоумение, продолжил, – отчима встречать, он в восемь утра проездом в санаторий.

Поезд утром пришёл вовремя, я тоже, так что randevу состоялось. Выслушав мои злоключения, отчим, вопреки обыкновению, не стал иронизировать, а коротко и веско объявил: «Поехали-ка к брату Володе в Звенигород».

Оказывается, его брат попал в больницу. Работал он тогда главным лесничим района и был весьма известной личностью на звенигородчине, поэтому лежал в отдельной палате районной больницы, которая оказалась длинным одноэтажным рубленым бараком на окраине городка; больница занимала половину барака, а во второй половине находилась поликлиника.

Узнав о моей беде, брат Володя позвал уборщицу тётю Зину, типичную пожилую женщину, привыкшую к тяжёлой и грязной работе, внешне резкую и озлобленную, но, по сути, конечно, добрую и отзывчивую на ласковое слово. «Тётя Зина, – сказал брат Володя, – вот мой племянник, ему нужна форма 286 через полчаса». «Пошли», – кратко сказала тётя Зина. Мы вышли с торца тихой и чистой больничной половины барака, прошли вдоль него до противоположного торца, открыли наружную дверь и оказались в лагере беженцев гражданского населения времён великой отечественной войны.

Во всяком случае, это была моя первая мысль, когда мы оказались в длинном коридоре, битком заполненном старушками, женщинами с детьми разных возрастов, инвалидами на костылях и без, мужичками запойного вида и прочим колоритным людом. В одном месте коридора ловили выскочившую из кошёлки курицу, в другом – ругались из-за разбитой бутылки, в третьем – безуспешно пытались вырвать из рук девочки-школьницы золотушного котёнка, и так далее и тому подобное. Плотность населения на один квадратный метр резко возрастала около каждой двери, ведущей в кабинет соответствующего врача. Мы с тётей Зиной прорывались, как из окружения, в дальний конец коридора, где на двери значилась табличка «Зав. отделением».

– Стой тут, – сказала тётя Зина, исчезая за дверью.

Через несколько минут она появилась из кабинета, держа в руках форменный листочек, но пока ещё незаполненный. Взяв за руку, она с неожиданной силой потащила меня сквозь толпу до двери ближайшего кабинета.

– Стой тут, – опять сказала она и вошла в кабинет.

Буквально через тридцать секунд она вывинтилась обратно, молча втокнула меня внутрь, захлопнула за мной дверь и заслонила её собой, как амбразуру. Врачу, оказывается, нужно было удостовериться, что я реальная фигура, а не фантом. Подпись на листочке была немедленно поставлена, и я снова оказался в коридоре, где тётя Зина яростно отбивалась от разъярённого женского сообщества.

Эта картина с убийственной точностью повторялась возле каждого кабинета, в котором мне было положено побывать. Через полчаса я оказался в тихой больничной палате, где отчим и брат Володя степенно беседовали на политические темы.

– Ну, что, готово? – спросил брат Володя.

Я только и мог кивнуть головой в ответ, мне всё ещё казалось, что я чудом выскочил из-под бомбёжки вражеских самолётов, налетевших на железнодорожную станцию в момент эвакуации.

– Эту тётю Зину буду помнить, пока жив, – сказал я.

– Правильно, – заметил отчим. – А пока, беги на вокзал, электричка-то ходит раз в час, и езды до Москвы тоже больше часа.

Он был прав, времени оставалось всё меньше и меньше.

Часов в семь вечера я ворвался к девчонкам в приёмную комиссию. Пока они составляли папку, я живописал свои приключения с невероятным воодушевлением, потому что наступила временная релаксация.

– Ой, девочки! – вдруг сказала Лена.

– Что-нибудь ещё? – осведомился я, стараясь подавить возникающую тревогу.

– Так надо же две фотокарточки, – чуть не плача, ответила она, – а где ты сейчас сфотографируешься, через полчаса мы официально закрываемся насовсем.

Девчонки замерли с расстроенным видом: они уже успели проникнуться моими удивительными пертурбациями. У меня же голова работала холодно и ясно.

– Так, – сказал я. – Прорвёмся, только чур со смеху не падать.

Я вынул из внутреннего кармана комсомольский билет и бумажник. Сначала взял в руки билет в красной обложке.

– Ты что, с ума сошел? – закричала Света. – Это подсудное дело!

– Не бойся и держись крепче, – ответил я, снимая обложку и доставая из-под неё потёртое фото размером три на четыре. – Нам меняли билеты в системе, но я отклеил её со старого школьного билета и сохранил на память. Держите.

Лена взяла прямоугольный клочок и залилась истерическим смехом. Когда она передала фото Инге и Свете, реакция была такая же.

– Сколько тебе здесь, лет десять? – спросила Инга.

– А ты, случайно, не сидел тогда в колонии, кто тебя постриг наголо? – поддержала её Света.

– Нет, мне на ней четырнадцать, а стричься наголо заставлял отчим, полубокс я отвоевал только в десятом классе, – объяснил я.

– Ладно, мы её пристроим внутрь, – сказала Лена, – но нужна ещё одна, чтобы наклеить на лист личного дела.

– Сейчас продолжим, – заявил я, – только вы поспокойнее, я, можно сказать, от сердца отнимаю, вот видите, подарочная, шесть на девять, с зубчиками по краям, хотел знакомой подарить в Питере, да времени на прощальное свидание не хватило.

Мы дружно, давась от хохота, начали уменьшать размеры фото с помощью ножниц, чтобы можно было наклеить. Получилось здорово: одно ухо, полтора глаза и нос, но при желании можно было увидеть сходство с оригиналом. Оформив, наконец, всё официально, мы заперли дверь и вышли на ступеньки физфака.

– Мы в общагу, в зону «Б», на четвёртый этаж, а ты куда? – спросили девчонки. – У меня судьбоносный звонок, – объяснил я, – три года назад с одной девочкой играли в волейбол на волжских пляжах, она в этом году закончила школу, если повезёт, возьму у неё школьный учебник Пёрышкина по физике.

На том мы пока и расстались. Я позвонил, и, на счастье, девочка оказалась дома, и учебники у неё были. И вот, нагружённый тремя томами Пёрышкина и задачником по физике Зубова и Шальнова, я в девять вечера сел в маленьком дядином кабинете грызть школьную физику. До шести утра одолел три тома и перерешал чуть не все задачи; время знал точно, потому что бой часов на Спасской башне создавал ощущение, будто эти часы у тебя прямо под окном. Поспал два часа и ровно в девять стоял у дверей указанной аудитории, вот только на каком этаже – хоть убейте, не помню.

ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ ШАГ

– Здравствуйте, – сказал подошедший высокий человек. – Меня зовут Василий Васильевич Керженцов. Я принёс вам для решения пять задач. Входите, располагайтесь, у вас есть три часа.

Я сел на средний ряд где-то посредине, он устроился за преподавательским столом, и время пошло. Четыре из пяти задач я решил, а вместо решения пятой нарисовал художественный рисунок, поскольку понял, что решение мне не даётся. Кстати, в моём личном деле так и красуется с тех пор этот рисунок – держал-таки однажды я в руках свою папку. Ровно через три часа В.В. забрал мои листки.

– Отдохните минут пятнадцать, – приветливо сказал он. – Мы их сейчас проверим, а потом с коллегой примем у вас устный экзамен.

Через четверть часа они вернулись уже вдвоём и с пачкой билетов в руках. Фамилию второго я уже не помню, он прихрамывал (не Белянкин), потом мы пересекались в физпрактикуме, и он тоже всегда вёл себя приветливо и доброжелательно.

– Выбирайте, – весело объявил В.В., разложив на столе билеты.

Я выбрал билет и пошёл на своё место. Сел, приготовил лист бумаги и ручку и, перевернув билет, посмотрел содержание. Так, два вопроса и задача. Думается, что задача мне не нужна, поскольку уже нарешался. Первый вопрос... знаю. Второй вопрос. Второй. А что же это такое?

Тут я понял, что мозги схлопнулись, видимо, напряжение предыдущих дней всё же сказалось. Во втором вопросе стояло «конденсатор: устройство и принципы работы». Я не только не знал устройства и принципов, а с ужасом понял, что впервые вижу слово «конденсатор», просто я его никогда вообще не слышал, а уж с чем его едят и представления не имею. Мысли заметались, организм начинала охватывать паника. «Спокойно, – приказал сам себе, – ведь начинать-то с первого вопроса, там, глядишь, что-нибудь и выскочит. А уж если сразу придётся перескочить на этот, как его, слово какое чудное, конденсатор, то начну рассказывать про установку кондиционирования воздуха, вроде бы филологически похоже, а потом посмотрим. А может, подсмотреть? Как там мои экзаменаторы? Ага, сидят влоборота, тихо беседуют, в общем обстановка душевная. Ну, будь что будет!»

Я залез на ощупь в стол, потянул на колени, не глядя, лежащую сверху книжку, это, как потом оказалось, был задачник Зубова и Шальнова, пальцем раскрыл его наугад и, скосив глаза, бросил единственный взгляд на полуоткрытую страницу. Бывают же чудеса на свете! Хотите верьте, хотите нет, на странице вырисовалась электросхема с конденсатором в виде главного элемента. В голове щёлкнуло, мозги встали на место.

– Готов, – бодро заявил я.

– Как, без подготовки? – удивился В.В.

– Готов без подготовки, – засмеялся я, не удержавшись, вероятно, это была реакция на происшедшее.

– Ну, посмотрим, – сказал, потирая руки, второй экзаменатор.

И они посмотрели. Четыре часа подряд. Спрашивали по всему курсу школьной физики вдоль, поперёк и по диагонали. Мне, конечно, помогло то, что я два года изучал в системе курс общей физики для инженерных вузов. Когда они решили остановиться, я был практически на пределе выносливости.

– Вы погуляйте в коридоре, – сказал В.В., а мы сходим в приёмную комиссию, посоветуемся и сообщим вам результат.

Дело в том, что никакой ведомости у них на столе не было и ничего они себе не записывали. Листка с моей письменной работой они тоже с собой не приносили. Что ж, полчаса я гулял по холлу второго этажа с пульсом спринтера на стайерской дистанции.

Через полчаса В.В. вышел ко мне в холл.

– Ну, дорогой мой, мы отдали ваши оценки в комиссию, которая начинает заседание через час, а когда оно закончится – кто его знает, наверняка за полночь. За задачи мы вам поставили четвёрочку, сами

понимаете, последнюю-то вы не сделали, а вот устно вы отвечали практически на отлично, но у нас есть правило уравнивания с отметкой за письменную работу, поэтому и за устный экзамен вам тоже «хорошо». Итого, восемь баллов. Кажется, вам это не столь важно, потому что на вас распространяется правило людей со стажем, то есть вам главное было сдать без троек. Впрочем, окончательное решение принимает комиссия. Желаю удачи, надеюсь увидеть вас в сентябре на факультете.

На том мы и расстались.

Сказать, что я крепко спал в ту ночь, это погрешить против истины. Не сон, а какое-то забытьё.

ЭПИЛОГ

На следующий день в десять утра я пришёл в тот же холл второго этажа, где всё кипело и бурлило. Толпа абитуриентов водоворотилась и волновалась, многие были с родителями. Целая куча народа клубилась вокруг Леонида Вадимовича, к доске с вывешенными списками было не протиснуться.

Хаотическим движением меня всё же поднесло на расстояние метров двух от Лёвшина, которого, можно сказать, рвали на части. Но меня он почему-то разглядел сразу.

– А, моряк, – поднял он в приветствии руку. – Поздравляю, вас приняли, дали стипендию и общежитие. Приходите завтра оформляться.

Я молча благодарил его взглядом, хотя хотелось заорать на всю ивановскую. Он прекрасно меня понял и сделал жест «иди, иди», потому что ему предстояло, наверное, несколько часов объясняться с абитуриентами и некоторыми родителями.

К доске со списками принятых я, конечно, пробился, чтобы убедиться, а, убедившись, вышел на ступеньки физфака и, глубоко дыша, уже по-хозяйски начал воспринимать мгновенно ставший родным сквер с памятником Ломоносову.

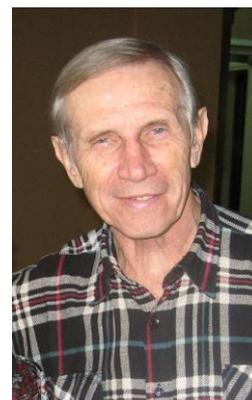
В груди ширилось и крепло убеждение, что отныне я останусь навсегда в этом замечательном учебно-научном заведении под названием МГУ. Так оно и получилось, но, естественно, после длинной цепи невероятных, смешных и серьёзных приключений, без которых, по-видимому, мне не суждено жить. Но это совсем другие истории, о которых, может быть, я расскажу в другой раз...

КАК Я ПОПАЛ В АФРИКУ

(ещё одна невероятная, но правдивая история)

Л.А. Савров

Мы учились на четвёртом курсе, когда впервые услышали, что нескольких выпускников нашего факультета уговорили ехать в Африку на препода-

вательскую работу. Двоих из ребят я хорошо знал: у нас была общая компания. Оставшиеся их жалели: «Чудаки, разве можно менять науку на какую-то Африку».

Но беспокойная мысль осталась где-то глубоко внутри, запряталась, затаилась и следующей осенью, когда я делал дипломную работу, окончательно оформилась под влиянием двух причин: во-первых, выпускники, попавшие в очередной набор, были оставлены на специально созданные курсы изучения иностранного языка, и Валька с нашего этажа каждый вечер (для практики, по его словам) с кем-то болтал по телефону довольно бойко по-французски (завидно слушать!); во-вторых, приехавшие в отпуск африканские первооткрыватели рассказывали совершенно фантастические истории!.. Я принял решение.

Но оказалось, что вместе со мной такое же решение приняла по меньшей мере половина из числа моих однокурсников. Вся наша компания была со мной солидарна, и вот, защитив дипломные проекты, сдав госэкзамены, подписав распределение в разные концы страны, мы ждали вручения дипломов – и Африки! В деканате постоянно дежурил кто-нибудь из наших, остальные дальше столовой не отлучались. Уже с прошлогоднего набора никого не уговаривали, теперь даже объявления не вывешивали, в ответ на наши вопросы инспектрисы делали пустые глаза и недоумённо пожимали плечами, однако любимчиков провожали обнадёживающими улыбками. Мы удвоили внимание.

Утром двадцать пятого января ко мне в комнату ввалился Костик – он всегда всё узнавал первым – и с порога завопил: «Скорее! Запись началась!» Хорошо, что до факультета было только двести метров, можно обойтись без шапки и пальто. Записывали с десяти утра до полудня, записаться успела почти сотня. Через день мы узнали, что министерство прислало заявку на двадцать пять человек.

Первичный отбор кандидатур был возложен на общественную комиссию содействия распределению, состоявшую, естественно, из курсовых прохиндеев-активистов. В день её заседания я, из принципа, сидел у себя в комнате. Постепенно подтягивались ребята, так что к моменту появления Костика – он уже, конечно, всё знал – мы были в сборе. Выяснилось, что в число двадцати пяти никто из нас не попал, и только я оказался в списке пяти человек резерва. «Вот ведь, зачем-то и резерв ещё сделали» - вяло подумал я.

– А по каким признакам они отбирали? – спросил Рыбаков.

Костик как будто ждал его вопроса.

– Я, понимаешь, сумел подслушать за дверью всего минут пять, потом меня засекли, а за это время троих разобрали, и тебя в том числе, - объявил он с некоторым злорадством.

– Так чего ты тянешь, рассказывай!

– Называют фамилию: «Иванов». Все молчат. Председатель спрашивает: «Кто знает Иванова?» Все молчат. Председатель говорит:

«Если никто не знает и не может ничего о нём сказать, тогда что, вычёркиваем?» Кто-то произносит: «Вычёркиваем». Голосуют. Вычёркивают. Потом называют следующего: «Петров». Председатель спрашивает: «Кто знает Петрова?» Кто-то отвечает: «Я знаю, вроде мужик надёжный». Председатель говорит: «Оставляем?» Голосуют. Оставляют.

– А про меня-то, про меня как было?

– А когда тебя назвали, - весело объявил Костик, – все немного помолчали, а потом некто сказал: «По-моему, слабоват...»

– Ну и что?

– Ну и вычеркнули!

– Что значит «слабоват»? Как это понять «слабоват»? – загремел Юрий мощным басом с высоты своих ста восьмидесяти семи сантиметров. Мы дружно заржали.

– Ладно, Юрка, не кипятись, – сказал я примирительно. – Судьба играет человеком...

– А сам-то? – прогудел Юрий возмущённо.

– А я играю в футбол, – философски заключил я. – Пошли жрать.

Я действительно играл в футбол за сборную факультета. Всем известно, что мяч круглый. Земля, говорят, тоже. Разве ж я знал, что футбольный мяч докрутит меня до Африки?!

На следующий день Костик ворвался ко мне, как Хусаинов по ленточке. «Есть новости! – заорал он. – Трёх человек из двадцати пяти забраковали! На их место продвинули из резерва, и тебя в том числе!» Тут уж я не выдержал и сам помчался в деканат, чтобы убедиться. Всё правильно, и уже вывешены списки зачисленных на курсы иностранного языка.

Через несколько лет я случайно услышал, что в числе проверяющих был Александр Стефанович, а он регулярно «болел» за нашу команду, и будто бы он, читая список резерва, сказал обо мне: «Этого помню, в защите, как зверь» – и внёс меня в основной список. Не знаю, не знаю... Похоже на анекдот, но чего на свете не бывает.

О СЕМИНАРАХ ПО ФИЗИКЕ

Таня Семенова

Я поступала на физфак 2 года. Имея серебряную медаль, оба раза не добрала по баллу. И на общих основаниях в первый заход не добрала балла. Несмотря на природную грамотность, оба раза на общих основаниях получала тройки за сочинение. В результате на втором году попыток поступила на общих основаниях, сдав в сумме 14 экзаменов.

Учиться было очень интересно. Особенно нравился физпрактикум и семинары по физике.

В нашей 11-й группе семинары по физике вели сразу два преподавателя. Лекции нам читала Валентина Ивановна Иверонова, и она же вела у нас семинары. Кроме того, всегда на семинарах присутствовал Владимир Петрович Шальнов. Он был прикрепленным преподавателем нашей группы, тем, кого в наше время называют кураторами.

Большинство студентов нашей группы жили в общежитии. И только 7 человек ездили из города – Саша Петухов, Виталий Сутовский, Ольга Ушакова (ныне Павлова), Галя Зиненкова, Нина Тугарева (Красильникова), Юля Кузнецова и я, Таня Семенова. Мы, девочки, ездили на метро до Киевского вокзала, а затем троллейбусом. И так получилось, что и дальше мы, как правило, держались вместе. Часто на этом пути встречали и В.П. Шальнова. До сих пор помню его совет: «Девчонки, только не торопитесь выходить замуж! Дождитесь последнего курса». Надо сказать, что все мы прислушались к этому совету.

Вернусь к семинарам. Валентина Ивановна вела их великолепно. Я по своей глупости еще не умела ценить лекции, и они мне не очень нравились. Слушать и записывать их досконально научилась лишь к концу 2-го – началу 3-го курсов, в основном, когда это уже были специальные курсы. А вот семинары Валентины Ивановны были очень интересны. Мы успевали решить за семинар много задач. Владимир Петрович помогал Валентине Ивановне, ходил между рядами, помогал, проверял, что получается, и вдвоем они нас держали в хорошем тонусе. Я помню, все удивлялась, - почему в школе нас не учили так решать задачи по динамике?

Где-то на первых лекциях Валентина Ивановна объявила потоку, что она будет проводить по вечерам консультации и к ней могут приходиться все желающие. Почему-то почти никто не откликнулся на это предложение. А мы – стайка московских девчонок - решили попробовать. И потом с удовольствием стали ходить на них каждую неделю. Работали сказочно. В демонстрационном кабинете сидела Валентина Ивановна и непрерывно курила. Вокруг нее стояло густое облако дыма, а внутри дымных вихрей сидели увлеченные девчонки и решали задачку за задачкой, что подкидывала Иверонова. После этих занятий, уезжая домой, мы еще долго обсуждали между собой оставшиеся вопросы. Помню, как удивила меня однажды Ольга Ушакова. На следующий день при встрече сказала: «А знаешь! Я вчера решила эту задачку, пока ехала домой!» Оказывается, можно думать над решением проблем непрерывно, не обращая внимания на окружающее.

Все это было так непривычно, полезно и интересно, что надолго отпечаталось в памяти. Позже и сама пыталась устраивать подобные «консультации» для своих студентов. И с тем же успехом – ходили лишь двое.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОМ КУРСЕ ФИЗФАКА МГУ В 1957 г.

Майя Бóрис

Воспоминание № 1

Я окончила среднюю школу с золотой медалью в 1957 году. В конце июня, получив аттестат, после семейного совета я поехала подавать документы в МГУ на мехмат, на астрономическое отделение. И вот я на мехмате в приёмной комиссии. У меня приняли документы, дали расписку, я всё узнала и пошла к лифту. И вдруг сзади испуганный голос: «Ой, девушка! Что я сделала! Я же ошиблась, ой!»

Меня нагнала взволнованная девушка, принимавшая документы, и сказала, что только недавно пришёл приказ и теперь астрономов перевели на физфак. «Так что Вы туда идите, там и поступайте». Я отправилась на физфак в каком-то смещении чувств, из которых превалирующими были изумление и недоумение. Я пришла в приёмную комиссию, подала документы, у меня их приняли и назначили день собеседования: 4 июля 57 года.

В день собеседования я оказалась за овальным столом, у которого сидели несколько человек с серьёзными лицами и внимательными глазами. Мне были заданы вопросы на различные темы: астрономия, география, физика, математика. Я довольно живо отвечала. А потом вдруг один из опрашивающих меня спросил: что мне надо знать, чтобы рассчитать параметры движения тела вокруг Земли?

Я стала раздумывать: то ли меня хотят проверить по законам Кеплера, то ли мне ждать какой-то каверзы, и тогда какой? А задавший вопрос посмотрел на меня с небольшим ехидством и коварно спросил: «Что же Вы замолчали, не знаете – так и скажите сразу, чтобы мы не ждали». Я ответила: «Да нет, законы Кеплера я знаю...»

«Тогда что ж Вам мешает ответить?»

И тут я решительно заявила: «Я считаю Ваш вопрос некорректным».

Автор вопроса неожиданно развеселился: «В чём же его некорректность? Ну-ка, ну-ка?» И я стала говорить о том, что вокруг Земли вращается только одно небесное тело – Луна, и для неё всё давно сосчитано. «Я могу сказать Вам и её период обращения вокруг Земли, и её массу, всё это давным-давно рассчитано». «Ну, а если это будет искусственное тело, например, спутник? Тогда Вы смогли бы рассчитать параметры орбиты? Что Вам для этого нужно?»

«Да, смогу, но своё недоумение я оставляю при себе. Очень всё странно».

– Ну-ну, считайте.

Я всё выполнила, и скоро всё кончилось.

Я ушла, получив пять с плюсом, но в полном недоумении, что ж это за задачу такую мне дали?

Потом был сентябрь, мы начали учиться, наступил октябрь, и 4 октября 1957 г. весь мир радостно узнал про первый советский спутник.

Все в нашей 119-й группе удивлялись и радовались, я тоже, но это не мешало мне таинственно говорить: «Ну, а я о спутнике ещё раньше знала, в июле». Вот так!

А потом, через много лет, работая в ИПМ, я поднималась по лестнице и встретила человека, который вдруг сказал, что моё лицо ему знакомо. «Вспомнил! 57-й год, физфак, собеседование и смелая девица, которая настаивала, что у Земли только один спутник – Луна и что задача некорректна».

Воспоминание № 2

Меня неожиданно назначили старостой 119-й астрономической группы, я знакомлюсь с группой, составляю список, среди них Савров. Глядя на меня ярко-синими глазами, он представляется:

– Тигр!

– А?

– Ладно, Майечка, запиши: Лев.

Валера Вайсберг меланхолично замечает: «А потом можно выбрать, какое из имён верное».

Коляда, глубоким басом: «Виктор».

Упражнения по высшей математике, семинары у нас ведёт Пётр Сергеевич Моденов: краткость, быстрота, чёткость, ум и ирония.

Ирония – особенно к тем, кто глядит на него со страхом и ужасом. «Эти, – он машет рукой на решавших у доски, – уже заранее кролики! Но они не знают, что я-то – не удав! Ну сессия всё покажет». Пётр Сергеевич помнил наизусть ответы в Демидовиче и явно гордился этим. А до сессии: занятия у нас в пятницу, Моденов П.С. говорит: «В конце семинара – задание на дом. Сегодня вы, естественно, решать не будете. В субботу занимаются одни зануды и кретины. И в воскресенье, и в субботу надо заниматься спортом, театром. А к понедельнику решите номера...» – и задаёт 70–80 примеров, и мы уже знаем, что в понедельник будет тщательная проверка этого задания. На экзаменах, посадив всю группу за парты, он обходит всех, элегантно склоняясь к каждому и предлагая вытащить билет из раскрытых веером билетов в своей руке. А потом – ужас! – он требует точное определение: что называется производной функции в точке? Любая неточность в определении – неуд! Очень многим аукнулась эта первая сессия двойкой по математике, очень многим, около 20 человек ушли тогда с неудом.

Воспоминание № 3

Физпрактикум, сколько воспоминаний! Однажды я увидела в «Советском физике» картинку «Пятикурсник в представлении первокурсника», где изображался первокурсник, сидящий в практикуме перед маятником, и воображаемый им пятикурсник с целым набором маятников, и нет резонанса! Очень верная была картинка. А я ведь так и не поинтересовалась у нашей Ниночки Гусевой, теперь Якимовой, прекрасно одарённой творчески, которая до ночи просиживала с выпускающими нашу газету, не её ли была идея и не её ли рисунок? Кстате, Нина – исключительно талантливый художник и замечательно умный человек, автор многих творческих работ, статей и книг.

Воспоминание № 4

Фотопрактикум... Мы должны были на фотопластинке получить изображение. Нам долго говорили про фотослой и его особенности, потом нас разместили по кабинам. Мы попали вдвоём – по соседству фамилий на «Б» в журнале – с Асей Благих. Полная тьма, полушёпот Аси совсем рядом с моим лицом: «Как ты думаешь, Майя, мы тут ничего не своротим?»

Нам надо вставить фотопластинки в кассету. За занавеской голос ведущей: «Помните, фотослой вы узнаете по липкой стороне. Осторожно лизните край пластинки, сразу почувствуете, где фотослой». Мы с Асей решили, что лизать буду я, – полизала тихонько с одной стороны – ничего, кроме холодного стекла, пахнущего лабораторией и химией. Лижет Ася – тоже ничего. Ася говорит: «Знаешь, мы наверняка не там лижем. Давай с другой стороны. Повернули, лизали внизу, теперь лижем наверху – ничего. «Ну, теперь точно, этот слой с другой стороны» – говорит Ася. Перехватываем в темноте четырьмя руками (а держим за ребро) пластинку, и – новый сеанс лизания – ничего!

Наконец, мы осмеливаемся позвать ведущую практикум. И вот что оказалось: нам с Асей даны были две пластинки, слоями друг к другу, и мы тщетно облизывали их стеклянные изнанки!

Сейчас младшая дочь Аси, Маша, заканчивает физфак МГУ.

Воспоминание № 5

Лекции по физике у нас вёл профессор Сканава Георгий Иванович. Как хорошо, как ярко и азартно читал он лекцию, какой хороший контакт с аудиторией был у него – всё оттого, что он прекрасно знал свой предмет. И такая горькая смерть от гриппа зимой 1958-го года...

Воспоминание № 6

Лекции Эдуарда Генриховича Позняка по математике: всё логично, чётко и всё очень спокойно. Никаких срывов настроения, никаких

сердитых взлётов голоса – всё ровно и хорошо. А если что-то не поймёшь (не увидела логическую цепочку или задумалась вдруг о чём-то) – не страшно. Сам стиль подачи материала был направлен у Эдуарда Генриховича не на устрашение первокурсника, а на приятное восприятие им этого материала: ты разберёшься, ты всё поймёшь, было бы только желание это сделать.

Царствие Небесное душе его.

Воспоминание № 7

Мы обязательно должны были учиться английскому языку. Наша группа разделилась на две части: продолжающих и начинающих. Я к тому времени довольно бойко знала французский язык, читала и говорила, и оттого с большей охотой занималась бы французским дальше, но – велено было по расписанию заниматься английским.

Вела занятия у нас преподаватель Маланова Любовь Фёдоровна. Она вела урок энергично, шумно. А нашим лентяям или прогульщикам обещала: «Камрид Сырцов! Я вам не дам бить баклуши! Английский – это вам не в бирюльки играть!»

Означенный «камрид» стоял, переминаясь с ноги на ногу и пытался что-то сказать, но его слова гасли в звонких руладах обещаний, из которых становилось ясно, что не полезно играть в бирюльки. Так или иначе, но мы довольно бодро уже читали и простейшие тексты и рассказы. Нам много задавали на дом. Всё возымело свои плоды, старания Любви Фёдоровны не пропали даром. Потом, на 4-5-м курсах, я просиживала в Ленинской библиотеке и в Библиотеке иностранной литературы днями и днями, с журналами по небесной механике, преимущественно английскими. Надо сказать, что я тогда очень наострилась переводить такие статьи, и перевод их мне нравился; я несколько раз думала, что, если бы я могла сейчас встретить нашу преподавательницу, Любовь Фёдоровну, то мой рассказ о продолжении занятий английским в библиотеках должен был бы её порадовать.

Воспоминание № 8

В нашей группе №119 был единственный иностранец, вьетнамец Фам Ван Чи: маленький, худенький, скуластый, со смуглым лицом и угольно-чёрными глазками, тихий и скромный. Он уже полтора года жил в Союзе и изучал русский язык. Как-то весной первого курса он подошёл ко мне и попросил разъяснить ему одну фразу у Лермонтова в отрывке из «Героя нашего времени»: «Порода в женщинах, как и в лошадях, ценится особо» – что это значит?

Я стала объяснять ему, привела в пример ипподром, объяснив заранее, что это такое.

– И вот, Фам, выводят худую старую лошадь, все смотрят, жалеют. А потом выходит молодая, красивая статная лошадь, сильная и здоровая. Представляешь, Фам?

– Да, Майя.

– И вот она бежит, и все смотрят, любят, и...

– Куда бежит, Майя? – спросил Фам, помаргивая и от напряжения чуть покачивая в голове в такт помаргиванию. Так он и не понял.

Воспоминание № 9

Сдана первая сессия; оправданы прогнозы, что она самая трудная в студенческой жизни. Сданы-пересданы неуды у неудачников. Каникулы! Что-то от устоявшегося порядка в школьном детстве и что-то новое – каникулы. Начало занятий 7-го февраля – второй семестр. И вот 7-го февраля на всём потоке проверки по группам – кто не явился?! Несколько человек сразу снято со стипендии (!), среди них Клара Сухляева, девочка из Архангельска. Потом выяснилось, что из-за непогоды отменили поезд, и наш треугольник группы (староста, комсорг, профорг) ходили в деканат просить за финансово (стипендия) и административно (выговор) пострадавших. Клару простили, стипендию дали, а выговор оставили, он потом «растаял» во времени. Урок получился жёсткий и памятный. Потом – к другим срокам начала занятий – все смиренно приезжали вовремя.

Воспоминание № 10

Начало первого курса – трудное и памятное. Одиночество в толпе бегущих рядом, слишком много самостоятельности, которой не ожидаешь и к которой ещё не очень-то готовы. Лекции – всё новый и новый материал, иногда очень понятный, а иногда – нет. Семинары – теперь, с высоты прошедших 50-ти лет и 30-ти лет собственного доцентства в вузе – очень разные и всё зависело от характера, степени владения материалом, умения его преподнести и желания это сделать (увы, и это тоже было!) Будучи очень старательной и привыкнув к мысли «всё, что задано, надо обязательно сделать», мне было трудно на первых порах, особенно в физических задачах, и я думала, что если я спрошу что-то у преподавателя, ведущего семинары, то обязательно получу хороший ответ.

Увы: фигура из трёх пальцев – в тонально-словесной интерпретации – вот каков был ответ спешившего куда-то преподавателя, и плюс ещё громкие насмешливые комментарии «Ну, это элементарно! И как это Вы этого не знаете, это элементарно, я Вам повторяю!» Моя одногруппница с тревогой сказала мне: «Май, ты что! Вот ты сейчас у него спрашиваешь, а он на экзамене тебе это припомнит, вот увидишь. Лучше сиди и делай вид, что тебе всё понятно, кивай ему, поняла? А что не решишь – спишешь у кого-нибудь».

Слова были сказаны, и моя гордость была ужалена! Я в жизни своей ни разу не списывала и не буду! У меня никогда не было четвёрок в школе, только пятёрки, а тут списывать?! Не дождётесь! И я засела за книги в читальном зале наверху – в «читалке». Я искала ответы на вопросы, которые были и которые могли быть дальше. Я стала находить удовольствие в заглядывании вперёд по программе – своеобразный «затакт перед мелодией», это было интересно, хорошо, но было одно «но». Дело в том, что я обычно сидела в читалке до закрытия, уходила после 22-х часов, а жила в пригороде Москвы, в Перерве. Теперь там метро, а тогда надо было ехать на электричке. Есть к ночи хотелось отчаянно, купить что-нибудь пожевать было уже негде, да и денег-то не было, сэкономила я, жили мы очень скромно.

Со станции «Депо» (следующей после «Люблино») было две дороги: одна короткая, по освещённой улице, но мимо пекарни, в которой ночью пекли хлеб на утро, и запах свежего хлеба кружил мне голову; и другая, по тропинке вдоль железнодорожной линии, в темноте и через канаву, а потом уже по улице немножко к дому, который примыкал к стене монастыря (Николо-Перервинский монастырь в 13 верстах от Москвы, ныне восстановленный из забвения и заброса).

Так вот, я выбирала более длинный и тёмный путь – лишь бы не идти мимо пекарни. Привычка сидеть в читальном зале до упора, приобретённая на 1-м курсе, сослужила мне добрую службу во всё время учения в МГУ и во время подготовки кандидатской диссертации – заниматься, чтобы ни у кого не спрашивать. А потом, работая в ИПМ и присутствуя там на научных семинарах, конференциях, я с удивлением увидела и услышала, как маститые учёные – дважды и трижды лауреаты разных почётных премий – свободно задают вопросы по ходу доклада, да ещё приговаривают: «А вот я опять не понял, как это у Вас... Ещё раз, пожалуйста». И докладчик – с почтенным реверансом в голосе – смиренно пояснял, что именно он хотел сказать в этой математической фразе...

В последующие годы, читая лекции и ведя практические занятия, я всегда говорила студентам: «Не бойтесь задавать вопросы. Это поможет вам лучше знать материал. Любопытство плюс занятия в читальном зале, и Вы сами почувствуете себя увереннее, и на занятиях, и на экзамене».

Воспоминание № 11

К нам пришла из академического отпуска Лариса Свешникова, она поступила на физфак, приехав из-под Благовещенска, из глухого места, а потом заболела. К зачётной сессии у неё, как теперь говорят, возникли «проблемы» по нескольким предметам, прежде всего по физике. Физику вёл у нас Булкин Пётр Сергеевич, молодой бескомпромиссный преподаватель. Возникла угроза недопуска к сессии. Лариса знала уже, что я жи-

ву в пригороде, что у нас печное отопление, и попросила меня, к полному моему изумлению, привезти ей на следующий день пакетик золы.

– Зачем !?

– А я рано утром дождусь, когда Булкин пойдёт на физфак по утреннему снежку, и посыплю его следы золой.

– Зачем!?

– Да он тогда заболеет и не успеет подать в деканат обо мне, что я не знаю. А ты что, не знала!? Что ты, это верное средство, у нас в деревне всегда так делали, если надо было, неужели не знаешь?

Вместо этого, и без золы, мы все несколько раз плотно сидели, занимаясь в общежитии, и все страхи о недопуске к сессии исчезли.

Воспоминание № 12

Наша 119–219–319–419–519–619 группа оказалась совершенно особенной. Может быть, это – влияние звёзд? Кто знает? Но у всех из нашей группы, у кого двое детей, дети обязательно однополые – два мальчика или две девочки. И это, если оба ребёнка родились при одних и тех же родителях, а вот если кто-то из родителей заменялся другим, то дети рождались разные.

И когда на встрече нашей группы я, увидев Мишу Бредихина, потомка знаменитого астронома Бредихина, спросила о его жизни и о детях, то получила ответ: «У нас одна дочь, и я бы охотно пошёл на второго ребёнка, если бы не дурацкий закон, который висит над нашей группой, ведь вторая-то будет девочкой, а мне хотелось бы сына».

Интересно, что те из группы, у кого было по одному ребёнку, теперь – с двумя однополыми внуками или внучками! Вот какая у нас группа.

Воспоминание № 13

Летом после 1-го курса, недопущенные врачами на целину, мы втроём – Валя Уральская, Инна Лаврова и я – были на наблюдениях и съёмках серебристых облаков в Перхушкове. Лето было как раз для таких съёмок, а облака были изумительно красивы.

О светлых днях, прошедших днях
Здесь, на физфаке МГУ,
Без благодарности в очах
Я вспомнить просто не могу.

Пора счастливых становлений,
Пора открытий, неудач,
Пора научных озарений...
Куда же всё умчалось вскачь?
.....
Пожелтелых фотографий связки

Снимут временем надетые нам маски,
Мы по-прежнему красивы и стройны,
Мы веселия и радости полны!

ШЕСТЬ МОИХ ПИСЕМ С ЦЕЛИНЫ

Н.Н. Лезнова

Дорогие мои родные!

Получила от вас только второе письмо, а сама пишу уже пятое (да еще маме в Лазаревку написала), так что папа напрасно сердится, что я мало пишу. Ведь свободного времени совсем немного, только ночь, а ночью не до писем. А тут я еще заболела (только вы не волнуйтесь, ничего серьезного нет¹, сейчас я уже почти здорова).

Вот уже 6 дней валяюсь в больнице, за 30 км от наших. Умираю от скуки и голода и не знаю, как отсюда вырваться. В воскресенье у меня вдруг подскочила температура до 40,5, все перепугались² и с перепугу отвезли меня в больницу, и вот уже сегодня пятница, а я все здесь прозябаю. Меня зачем-то всю искололи пенициллином, так что ни рукой, ни ногой не повернешь. У меня уже ничего нет, кроме расстройства желудка, а меня почему-то упорно в огромных количествах пичкают норсульфазолом, который вообще вреден для желудка. Эти таблетки я, конечно, коллекцией собираю под подушкой. А кормят здесь вообще впроголодь, так что я каждый день умираю с голоду. Первые 3 дня я вообще ничего не могла взять в рот, а сейчас приходится брать эту бурду. Вот как кормят за день: утром ломоть черного хлеба (его здоровый в рот не возьмет, не то что больной), чай и бурда из воды, лапши и муки, называемая супом. Обед: 1. Рисовая каша. 2. Пшенная каша. 3. Чай. Ужин: тот же черный хлеб, чай и пшенная каша. Хорошо еще, что ко мне приезжают товарищи почти через день. Они мне раздобыли трехлитровую банку компота, немного картошки и яичек.

А тут еще установилась у меня, как всегда, постоянная температура: утром 37, вечером 37,2, 37,3. Врач и не выписывает. Сегодня хотела выписаться и как назло целое утро шел ливень, страшно размыло дороги и теперь ни одна машина от нас скоро не доберется.

Хорошо, что я еще не одна здесь, почти вся больница полна студентов, есть и из нашей бригады. У всех одно и то же: высокая температура и расстройство желудка. Говорят, что это все от воды. Вода у нас в Ждановском безобразная. Ее возят из грязного котлована, там вода застоявшаяся, отдает гнилью и болотом. И самое главное, возят ее в бензовозах, так что вода с примесью бензина и керосина. У нас, наверно,

¹ Было двухстороннее воспаление легких, возможно, на фоне всеобщей (но сокрытой) дизентерии.

² Дело было во время танцев, я чуть-чуть отключилась и брякнулась на каменный пол.

половина бригады валяется пластом³. Ну это все ерунда по сравнению с мировой революцией.

Расскажу лучше, как мы трудимся "героически". Я уже писала, что работать особенно не рвемся, да иначе тут невозможно, иначе совсем ноги протянем. Работаем в среднем вместо 8 часов 6 часов в день. Все эти дни была жара, а мы работали на совершенно открытом поле. Поэтому днем работать было невозможно. Мы приходили к часу на обед и уходили снова на работу часов в 5, когда спадала жара, и так часов до 9. Днем проваляешься в бараке, такая изнывающая жара, мухи прямо кишат, заснуть совершенно невозможно. Встаешь совершенно разбитая. И опять за тяпку. Папа спрашивает, оправдывает ли наш труд затраты и молву, так вот затраты не знаю, а молву вполне. Девчонки у нас в основном работают под лозунгом: "Все силы на то, чтоб не остаться должником совхоза". До 17 числа я заработала рублей 270,⁴ а завтра у нас будет первая получка, вот тогда точно узнаю, только жалко, я сама получать не смогу. Мальчишки у нас многие хорошо зарабатывают, особенно строители – саманщики – минимум 50 руб. в день, а иногда и по сотне. Уборочная еще не началась, вернее начали, но еще только косят. Здесь уборка раздельная. Говорят, урожай будет больше, чем в прошлом году. Совхоз дал обязательство сдать государству 1 млн. 800 тысяч пудов зерна. Только наш бригадир смеется, говорит, что в прошлом году совхоз дал тоже такое обязательство и сдал ... 800 тысяч без миллиона. А сейчас уборка затягивается из-за погоды: пошли дожди, очень вредные для зерна. Говорят, не позже 25 начнем работать на токах, но это потом, а сейчас не знаю, как отсюда выбраться.

Первые дни работали – все-таки сильно уставали, приходим после работы и сразу пластом на кровать спать. Утром в 6 часов поднимают, вставать неохота было страшно, а сейчас ничего, привыкли, и спать совсем не хочется. – Собрали мальчишки со всего барака по 3 рубля и купили радиолу "Люкс". (Папка прямо в воду глядел, когда говорил, что патефоном теперь мы не обойдемся.) Каждый вечер теперь танцы до 12, но потом спать все равно не хочется, и мы идем гулять в степь. Перепоем все песни и только часа в 3 начинает клонить ко сну. Часто ходим тут в кино на 10.30, так что от цивилизации не отстаем, зато простору!! Сколько хочешь. Последнее время мы начали перебираться на подножный корм. Задача девчонок: подкопать картошки, задача мальчишек: собрать яйца и достать курей. Вот смеху, когда мальчишки яйца собирают: рядом с нами продуктовый склад, вернее два, один нормальный, а другой со всех сторон продувной, и на этом втором складе развелись куры, утки, гуси в огромных количествах, причем всякой крупы, зерна там рассыпано сколько хочешь, ну и на казенных харчах они очень здорово откормились. За ними непонятно почему никто не смотрит и не собирает даже яйца. А

³ А вторая половина стоит в очереди у туалета.

⁴ После реформы 1961 года – 27 рублей.

куры несутся где попало, и вот мальчишки рыскают за ними в поисках яиц и обычно приносят – очень много.

Вот иногда вечером под настроение соберемся всей бригадой, захватим с собой дров и на всю ночь уйдем далеко-далеко в степь. Разложим костер, поставим варить картошку, яйца. Иногда мальчишки и кур по пути прихватят, распотрошат и тоже в костер. Пока все варится, мы наберем соломы, зароемся в нее и песни поем. Зато уж едим мы с таким аппетитом, какого у меня никогда и не было. Даже не представляете себе, как здорово! Почему-то рассвет здесь очень поздно, часов в 5. Около 6 начинаешь дремать, уже засыпаешь и тут же слышишь противное слово "подъем". И опять весь день как машина. Может, на зерне будет разнообразнее, только говорят, там рабочий день будет часов 12–15.

Ну вот вроде и все новости. Наверно к этому письму уже и мама придет. Пишите тоже почаще, потому что вас там много, а я тут одна.

Сегодня ночью мне снились Элюшкины пироги, такие вкусные! Я их уплетала один за другим, у меня даже слюни на подушку вытекли. И вдруг в самый разгар сестра тянет меня за руку. Я открываю глаза, она надо мною с иголкой стоит. Я разозлилась страшно, так разругалась со всеми и снова заснула. Ну вот вроде и все, с большим трудом раздобыла этот клочок [бумаги]. Поэтому мельчила, чтобы все уместить.

Все. Крепко, крепко целую всех. Жду ваших писем и посылок.

[P.S.] Андрюшка! А ты, пожалуйста, не сочиняй. Письмо идет сюда 4 дня, посылка 5 дней. У нас тут уже все по одной – по две получили. А мне здесь еще коптиться больше месяца. Здесь ничего нет. Когда начнется уборка, работать будем очень много часов, соответственно надо будет и есть, а что? Так что посылок я очень жду. На деньги здесь ничего нельзя купить.

Дорогая мамочка!

Получила от тебя письмо и очень пожалела, что ты уже уехала с юга и, значит, не получила мое письмо в Лазаревке, я послала 15 авг.

Прежде всего: я жива, здорова, уже работаю. Каждый день бегаю к нашему Юрке, узнаю, нет ли посылки, а вы все не шлете. А Андрюшка еще написал, что он постарается послать, но видите ли боится, что она будет очень долго идти и поэтому чего-то ждет. Конечно, если еще так в письмах обмениваться мнениями, сколько времени будет идти посылка, то конечно она никогда не дойдет. И ты, пожалуйста, не спрашивай, нужна ли посылка или нет и что прислать; все совершенно ясно: мы страшно хотим есть, а есть здесь нечего. Раньше у нас были некоторые запасы: сахар и консервы мясные, поэтому как-то голода не ощущалось. Шли на поле и брали с собой какую-нибудь баночку. Приходили вроде даже не очень голодные. А сейчас какой-то ужас наступил. У нас все абсолютно

кончилось, в магазине ничего нет, кроме джема в банках, а у нас здесь совсем стало плохо с едой: нет масла ни капли. Давали раньше маргарин, потом перешли на комбиджир, а сейчас нет уже совсем ничего. Сахара тоже нет, чай и утром, и вечером, и в обед несладкий. Одно время, как раз когда я была в больнице, у них даже соль кончилась, и несколько дней все было абсолютно несоленое. О мясе мы уже не вспоминаем, молока почти совсем нет, изредка бывает простокваша. Даже хлеба по маленькому кусочку. А ты еще спрашиваешь, что прислать: конечно, консервы, по возможности мясные, еще хорошо бы сгущенного какао или кофе, или просто молока. Еще неплохо бы баночку русского масла, а то все каши в горло просто не лезут. Мамочка! Пришли побыстрее, очень тебя прошу. Только, пожалуйста, не волнуйся, у нас здесь совсем не так уж плохо. За исключением еды, живем мы здесь очень хорошо.

Ну а об остальном я уже все написала. Жду от вас вестей.

Мамочка! Пиши мне, как вы там живете. Крепко, крепко всех целую.

Наташа

Да, вчера узнали довольно неприятную весть: к 1 сентября мы уезжаем на полевые станы. Сделали очень безобразно: нас 28 человек из бригады, т.е. всех девчонок, посылают в 4 полевую бригаду за 15 км отсюда, там одни только мальчишки третьекурсники и механизаторы местные, а наши мальчишки остаются здесь. Главное и там мы будем работать на току, и здесь то же самое. А нам ехать без наших мальчишек, которых мы хорошо знаем, совершенно не хочется.

Адрес все равно тот же.

Дорогие мама, папа, Элюшка, баба Паша и Андрей!

Сегодня с утра встала с отвратительным настроением: есть хочется, а завтрака почти нет, надо идти на работу. Получилось так, что не хватило вил и я не пошла на работу. Сейчас мы работаем на копнении сена. Погода для уборки стоит отвратительная: начались дожди и холода. Хлеба не созрели, а уже началась косовица. Ну вот в таком настроении села писать письмо, только написала, отправила, вдруг приходит наш бригадир и говорит, что мне извещение. Я даже глазам своим не поверила. Тут же мы побежали: я, Люда и Валя, а Танюшка была на работе. Бежим на почту, а сами гадаем, что лежит в посылке. И вот мечтаем, чтобы там было побольше существенного.

Прибежали, конечно, как всегда, не повезло, только-только закрылась на обед. С часу до двух перерыв. Побежали домой на обед, весь час места себе не находили. Так и не пообедали (правда, есть было как всегда: первое – щи из сушеной капусты, рисовая каша без ничего и кофе с карболкой). За посылку большое спасибо, я даже не ожидала, что так существенно соберете. Единственно, жалко, что сгущенки только молока прислали, хорошо было бы какао или кофе сгущенного, а то тут бывает

только чай и кофе довольно сомнительное только по большим праздникам. Ну теперь нам это все не страшно, на время, конечно. Сейчас собираемся на уборку. Как мы там одни будем жить без наших мальчишек, не представляю.

Ну вот вроде и все. Крепко крепко целую всех. Жду от вас известий. И вы не успокаивайтесь на достигнутом. Переехали ли вы с дачи? Я не знаю, куда писать. Надеюсь, что кто-нибудь в Москве будет. Уехала ли с дачи баба Паша? Крепко ее целую.

Да, Андрюшка, поздравляю тебя с началом учебного года, если ты еще не забыл, что таковой начался.

Еще раз целую всех.

Наташа

Вот теперь не ворчите, что мало пишу: в день да еще по два письма. Пишите мне тоже почаще. Привет вам от Тани, Вали и Люды.

Да, что за тапочки вы мне прислали, это же надо догадаться. Я их дома не ношу, а вы сюда. Работать в них невозможно, соскакивают. Ну сейчас ничего, я совершенно случайно купила здесь тапочки резиновые белые.

Мамочка! Ты меня спрашиваешь, как с обмундированием меня собрали: все очень хорошо, только напрасно сарафан. Список потерянных вещей тоже сравнительно небольшой: свитер синий, две пары носков, тети Марьянина косынка и еще мелочи.

Да, получили ли вы письмо из Болгарии для меня или нет, и вообще есть ли письма?

Здравствуйте, дорогие папа, мама, Элюшка и Андрей!

Получила от вас подряд два письма, от папы и от мамы. Особенно приятную весть написал папа о том, что на горизонте предвидится новая посылка.

Сегодня уже 4 сентября, а мы все живем на центральной усадьбе. До сих пор не можем разъехаться по бригадам. Во всем виновата погода. Из-за нее очень затянулась косовица. Она должна была закончиться к 1 сентября, а до сих пор скошено менее 50%. Из-за косовицы задерживается подача зерна на тока, а нам сказали, что отправят по бригадам только тогда, когда зерно пойдет полным ходом. А пока никто ничего не знает.

Мы уже хотим скорей ехать на станы. Там будем жить в шалашах, очень теплых: они крыты толем, а затем метра полтора сена. На стане нас будет 90 человек, мы едем, как хотели: 13 и 11 гр. Сейчас здесь делать абсолютно нечего.

Сперва мы копнили сено и овес, потом погода испортилась, и вот уже дней 6 мы дурака валяем: с утра часов в 10 нас на машине увозят на поле, сено совсем мокрое, машина уезжает, мы полчаса поработаем, и словно по заказу начинается дождь, мы лезем под копну и часа 3 валяемся, спим,

играем, песни поем. А там глядишь за нами машина на обед едет. И мы бодро возвращаемся. Вторую половину дня ничего не делаем.

Потом начальству видно надоело ежедневно акты составлять на 12 руб., решили нам придумать работу. И вот уже дня три наше звено (22 человека) болтается по разным конторам. На выдумку работ, абсолютно никому не нужных, они неистоимы. Один день они заставили нас полоть «городской» парк: молодые тополя, причем трава уже завяла почти, так нет, ее надо было выполоть, но это еще ничего. Один день нас поставили на лесосклад: сортировать бревна и нагружать на машину. Это надо только придумать: мы одну машину нагрузили, а потом весь день загорали, потому что там вдесятером бревно поднять не можем.

Но самый потрясающий наряд был один день. Нас заставили подметать казахстанские дороги и объяснили это так: «Должно приехать начальство и оно не должно видеть, сколько рассыпано зерна».

Сегодня нас отправили на кирпичный завод разнорабочими.

Мы уже абсолютно обленились, ничего делать не хочется.

Живем мы хорошо, весело и дружно. Жалко, что у нас нет телефона, а то бы я позвонила. У нас можно звонить прямо отсюда.

Мы прямо как сговорились насчет тапочек, я могу теперь магазин открыть: у меня 3 пары совсем новых, 3 пары ношу. И вообще, мама, из вещей мне ничего не надо. Спасибо за ковбойку, но она тоже лишняя, ведь мне уже прислали.

Мама! Видела ли ты девочек? Как они там? Мамочка!

Да, сейчас Танюшка пришла с почты, она звонила домой. Ее мама говорит, что ты ей звонишь и волнуешься за меня, так чтобы больше не звонила, потому что ничего случиться не может. А вообще, если ты по мне соскучилась, то ты можешь позвонить мне сюда в Ждановский. У нас тут уже почти все разговаривали, 2.90 минута. Звонить по моему адресу: Сев. Каз. область, Булаевский р-н, зерносовхоз Жданова, Почтовое отделение. Делается это так: ты заказываешь разговор на определенный день, а сюда за день до разговора приходит телеграмма или что-то в этом духе. Слышно очень хорошо. Мы уезжаем на стан, но это совсем ничего: всего в 5 км. Так что в любой день и в любое время придти можно.

Ну вот вроде все. Кр.кр. целую. Как там Элюшка себя чувствует? Всем привет.

Здравствуйте, дорогие мама, папа, Элюшка и Андрей!

Опять говорите, что редко пишу, а я пишу почти каждый день. Только не знала, куда писать. Теперь уже писем 5–6 пишу на московский адрес. Здесь такой стоит холод, что мне кажется странным, что вы до сих пор можете жить на даче. Пишу я тоже в основном из-за холода. Сейчас здесь дело близится к морозам. Ветры стоят дикие. Я таких еще никогда не видела и не слышала. Нам до кирпичного завода (правда, это слишком

громко, скромнее, кирпичная лавочка) идти около 2,5 км, так что по дороге умереть можно. И мы сегодня не пошли на работу.

Сейчас вылезла на минуту на улицу помыть посуду и прямо ооченела, особенно руки. Наверное, несколько градусов мороза. Так что носа из сарая лучше не показывать. Мамочка! Я тебя особенно попрошу, если сможешь, пришли мне: теплые варежки, мою шерстяную шапку (с мысиком синюю – конькобежную), если есть, толстые шерстяные носки, только именно толстые (как мои васильковые). Я их куда-то потеряла, а они самые теплые, т.к. те две пары почти не греют – они тонкие, шарф потеплее. Вот вроде и все. А то жить нам здесь еще неизвестно сколько. Говорят, раньше октября не отпустят, а слухи есть, что числу к 15. Да еще забыла, хорошо бы шерстяные рейтузы, очень полезно. А то тут поговаривают, что скоро может и снег выпасть. Вчера уехала на стан 9 бригада (туда же, куда поедет и мы). Так что на днях и мы тронемся в путь. С уборкой очень плохо. Еще не кончилась косовица, и уже начинают говорить, что уборки может не быть совсем (почти так было в прошлом году) и хлеб останется на полях. Правда, за нами еще картошка.

Вот вроде и все. Да, совсем забыла. На днях мы видели здесь северное сияние, самое настоящее⁵.

Это было ночью в час или в два. Мы уже спали. Вдруг в бараке кто-то как заорет. Все повскакали прямо в одеялах на улицу. Мы тоже выскочили. Сперва я ничего не видела, за исключением огромной луны (было полнолуние), потом оказалось, что я смотрю в другую сторону.

И вот через все небо мы увидели яркие освещенные полосы красного, зеленого и фиолетового цвета. Причем несколько полос были яркими, а по всему небу свет рассеивался. Все небо было словно зарево пожара. Очень красиво. Причем самая яркая полоса как раз проходила через Полярную звезду, может, это и просто совпадение, не знаю. Так длилось наверно полчаса. Потом начало ослабевать. И все исчезло.

Мы долго стояли, спать уже совсем не хотелось. Мы собрались у шалашей (напротив амбара нашего построили два больших шалаша для тех, кто здесь останется, когда нас выгонят из зернохранилища) всей бригадой и так просидели часа 3, перепели все песни. Эта ночь вообще была очень насыщенная: через каждые десять почти минут падали звезды. Причем очень ясно и отчетливо. И совсем низко, прямо след оставался. Мальчишки даже спорили, что это кто-то пускает ракеты, Но потом все-таки решили, что так высоко ракеты не могут падать и что это самые настоящие звезды. Вот вроде и все.

Крепко крепко целую всех.

Когда собираетесь переезжать с дачи? Как там у вас погода? С меня уже почти весь загар сошел. Я числа 15 августа была очень сильно

⁵ Правда, кто знает, что это было на самом деле.

загоревшая, особенно мордочка, как говорили. Ну а к октябрю все остатки загара сойдут.

Папа писал, что пошлете посылку. Я ее уже жду с нетерпением. По моим подсчетам сегодня должна быть. Ну в общем все. Мама, как там в квартире, особенно в моей комнате ничего не прибавилось?

Здравствуйте, дорогие мама, папа, Элюшка и Андрей!

А у нас все по-прежнему. Работаем на кирпичном. Сегодня уже собрались идти, и вдруг нам заявили, что сегодня будет ударный день по ячменю. Его уже скосили, но не убрали из-за дождей, и он начал прорастать. Мы будем его копнить. Работать пойдем во вторую половину дня, а пока (почти как всегда) без дела сидим.

Ну вот, теперь мы в сарае остались почти совсем одни. Сегодня прямо сейчас уезжает 7 бригада и часть нашей. На днях мы побывали в 3-й бригаде, куда мы едем. И даже познакомились с будущим жилищем (к счастью, может быть не нашим). Это – саман, без окон и дверей (но с отверстиями для них). Раньше там жили солдаты, потом куры, а потом была конюшня, ну а теперь помещение можно считать вполне обжитым и годится для студентов. Только туда может быть переедет 9 бригада, а мы в их шалаши, еще не знаем.

Погода черт знает что. Каждый день меняется: один день сплошной ливень, а на следующее утро – яркое солнце, правда негреющее. Все-таки холодно основательно.

Уезжаем вроде уже точно числа 6. А занятия начнутся, наверное, с 15 октября. Здесь уже порядочно надоело. Хочется в Москву, только учиться еще не хочется.

От посылочки мы бы еще не отказались. Только тушенки уже не надо. У нас есть. Хорошо бы баночку сосисочного или колбасного фарша (его разогревать не надо, а то негде), сгущенки, маслица (как хорошо, что вы мне прислали масла, сразу с ним все каши приняли благородный вкус). Еще чего-нибудь вкусенького, вроде варенья, вафель, конфет, в общем сами посмотрите. Мы рассчитали, что посылка должна прийти числа 26. Так что постарайтесь (если сразу пошлете). Вот вроде и все. Писать больше не о чем. Скоро увидимся. Крепко-крепко целую. Наташа

ВЗЯТИЕ ВЫСОТЫ

Татьяна Глушкова (Молокова)

50 лет назад мы все преодолели некий потенциальный барьер и оказались в новой жизненной реальности. Способов “взятия высоты” в те годы было несколько: собеседование – для золотых медалистов; два основных

экзамена – для серебряных; 5 (ужас!) экзаменов – для всех остальных.

Получив в школе золотую медаль, я имела возможность начать свой путь в студенты с собеседования. Хочу сказать, что собеседование – не самое трудное испытание. Об этом говорят и другие наши товарищи, прошедшие на физфак таким же способом. Главная тяжесть того лета легла на плечи основной массы абитуриентов – тех, кто сдавал все 5 экзаменов. Это они – истинные герои 1957 года. Но так я думаю сейчас. А 50 лет назад, когда я пришла на собеседование, мне казалось, что это – весьма сложное препятствие.

Нас было довольно много. К сожалению, практически никого не помню – внутреннее волнение, видимо, было сильным. Никто из нас толком не знал, что такое «собеседование». Экзамен – понятно. Тянешь билет, там вопросы; готовишься по конкретным темам и идешь отвечать. А здесь? И на подготовку времени нет, и вопросы, говорят, всякие бывают – и не обязательно по физике. Кто-то вспомнил, что его другу в техническом вузе задали вопрос на внимание: «В Большом театре бывали? А не скажете, сколько колонн у Большого театра?» Мы судорожно стали вспоминать, сколько колонн у главного здания МГУ – а вдруг тоже спросят.

Студент-дежурный, который привел нас к какой-то аудитории, засмеялся: «Вы еще посчитайте, сколько окошек в главном здании МГУ – а то вдруг спросят. Как правило, собеседование начинается с вопроса: “Что Вас привело на физфак?” Или: “Что Вам больше всего нравится в физике?” Не будьте дураками и, отвечая на этот вопрос, называйте те разделы физики, которые лучше всего знаете, а не те, что больше всего Вам нравятся».

Я подумала и решила, что лучше всего (на тот момент) умею решать задачи с лифтами. Лифт вниз, вверх, вбок – ускоряясь или замедляясь; пассажир находится внутри лифта или ждет его на лестнице и т.п. И когда меня действительно спросили, что я больше всего люблю в физике, я, не задумываясь, ответила: «Механику». – «Механику?» – удивились экзаменаторы (их было двое – мужчина и женщина – и вновь, к сожалению, не могу их вспомнить). «А что же интересного в механике? Вам, пожалуй, на мехмат надо бы поступать – у них институт механики есть». Я думаю про себя: «Ну, пропала. Не могу же я им сказать, что мне лифты нравятся. А уж на мехмат-то точно не хочу – математику знаю хуже и люблю меньше физики». И решила я, что зря послушалась умного студента, и буду говорить все, как есть и как сама знаю.

И говорю: «А если честно, мне нравятся космические путешествия». Это действительно было так – время-то было какое! Мои экзаменаторы аж руками развели: «Тогда Вам точно на мехмат надо, там есть отдел, занимающийся расчетом параметров орбит космических кораблей». «Ой, нет-нет, расчетами не хотела бы заниматься (математика!), я хотела бы лететь в корабле». Экзаменаторы с удивлением откинулись на спинки стульев и заулыбались. Вот, – думают, – фантазерка, и что с ней делать? «Ну, раз

так, скажите нам, что Вы знаете про закон всемирного тяготения». – «Во-первых, что его открыл Ньютон, во-вторых...» – затараторила я. Оказалось (это уж потом я догадалась), что космическая тема – тоже механика. И я умела считать космические скорости, знала, как и куда полетит корабль, достигший этих скоростей. Короче – космос помог!

Из остальных вопросов помню еще один, ответ на который мог быть расценен экзаменаторами как ошибочный. «Нарисуйте схему генератора», – просят меня. Рисую с напряжением, т.к. радиотехника – не моя стихия, это не лифты и даже не полеты в космос. Готово, но, чувствую, что-то не то – получилась схема усилителя. Решив говорить только правду, не выкручиваясь, я и говорю: «Вот схема, но получился усилитель, а не генератор». – «Ну, что ж, расскажите, как усилитель работает, раз уж нарисовали». Рассказала, вроде все верно (но ведь все-таки не генератор!). Экзаменаторы не поставили (во всяком случае, не сказали этого вслух) никаких оценок – ни в баллах, ни в словесной форме. И я была совсем не уверена в том, что выдержала испытание. Опять же – советы поступать на мехмат!

Через две недели получаю открытку с приглашением прийти такого-то числа на физфак в такую-то комнату. Лечу, не зная, что меня ждет. Комната оказалась кабинетом декана. В приемной, в средней ее части, стоял стол, за которым лицом к входящему и спиной к окну сидел представительный мужчина – декан, конечно! – решила я. Назвалась. «Декан» посмотрел в бумаги, встал, вышел из-за стола и, пожав мне руку, сказал фразу, которую я помню вот уже 50 лет: «Приемная комиссия рекомендует Вас к зачислению на физический факультет МГУ. Поздравляю Вас». Нет слов, чтобы передать мою радость в тот момент.

Человек этот был совсем не декан, это был председатель приемной комиссии 1957 г. – Леонид Вадимович Левшин. Но для меня он всегда оставался человеком № 1 на факультете – выше декана и всех других факультетских начальников – он вручил мне (как и каждому из нас) путевку в профессиональную жизнь! (К сожалению, года полтора назад его не стало.)

Я, растянув в улыбке рот до ушей, попяtilась скорее за дверь (как бы не переменял решение!), говоря: «Спасибо, спасибо, спасибо!» Левшин улыбнулся и сказал мне вслед: «Вам надо еще пройти медкомиссию, а прямо сейчас зайти в комитет комсомола, комната такая-то».

Иду с гордо поднятой головой в комитет комсомола. Вхожу. А там комсомольские командиры уже беседуют с неким молодым человеком. И слышу: «Наше сельское хозяйство нуждается в помощи. Университет шефствует над колхозами Можайского района. Вам, как комсомольцу, мы предлагаем поехать на уборку урожая». Комсомолец отвечает: «Я все понимаю, но, видимо, не смогу. Я приехал в Москву поступать в МГУ с Кавказа. Там я работал чабаном. Оставил отару на молоденького парнишку-помощника. Очень волнуюсь. Надо съездить домой – передать

полностью дела, уволиться, собраться и приехать на учебу».— «Ну, чабан, отара – это тоже сельское хозяйство. Конечно, Вам надо ехать домой».

Я слушала, раскрыв рот. Представляете – в Москве, в Университете вижу настоящего кавказского чабана, да еще будущего своего однокурсника! Кто это был? Как вы думаете? Это был Калан Аллабуттаев – очень известный в будущем человек на курсе, наш знаменитый бригадир одной из целинных бригад! (Жаль, о нем мы сейчас ничего не знаем.)

Ну, а у меня отары не было, и я, безо всяких колебаний, согласилась ехать в подмосковный колхоз. Конечно, я была не одна такая сознательная, и нас там собралась целая бригада. (О том, где мы еще работали, см. ниже **Мы трудились!**).

О ШКОЛЕ, УЧЕБЕ, ЦЕЛИНЕ И НАШЕЙ ПЕРВОЙ ГРУППЕ

Михаил Глушков

В конце 50-х годов прошлого века физическая наука обладала такой притягательной силой, что устоять перед ней было просто невозможно. Это обстоятельство и определило, в первую очередь, наш выбор профессии. Конечно, у некоторых из нас большую роль в этом выборе сыграли родители, старшие братья или сестры. Но я хочу сказать о наших школьных учителях. Когда мы готовились к поступлению в МГУ, такого, как сейчас, обилия дополнительной литературы, всевозможных пособий, репетиторов не существовало. Могу назвать лишь книги Ландсберга по элементарной физике и знаменитый задачник Зубова и Шальнова, да и они мало у кого были даже в Москве.

И тем не менее на физфак МГУ поступали не только отдельные талантливые от природы юноши и девушки, но и целые группы по несколько человек из одной школы и даже из одного класса. Тут, вне всякого сомнения, колоссальным был вклад наших учителей. Не обо всех случаях “массового” (назовем это так) прихода абитуриентов на физфак летом 1957 г. из одной и той же школы нам известно, но и тех, о ком знаем, немало (см. список). Из одного класса, из одной школы на наш курс поступили:

Школа № 1, г. Москва	Байматова Люся Глушков Миша Капитонов Игорь Макарычева Лена	Из 10 «Б» класса
Школа № 14, г. Москва	Астафьев Анатолий Боголюбов Коля Вдовиченко Наташа Наумкина Рита	

Школа № 43, г. Москва	Георгадзе Марина Соколова Лена	
Школа № 100, г. Москва	Барышева Рита Кузнецова Оля Мандельштам Таня Подвидз Наташа	
Школа № 101, г. Москва	Алексеев Слава Троицкая Женя Щербина Валентин	
Школа № 211, г. Москва	Важник Нила Петрова Таня Федоров Валерий	Из одного класса, все золотые медалисты, поступили по собеседованию
Школа № 525, г. Москва	Виноградов Женя Косоруков Саша Кузьмин Володя	Из одного класса
Школа № 35, г. Ростов-на-Дону	Самохин Саша Федюнькин Женя	Из одного класса
Школа № 1, г. Зелено-дольск	Ибаев Юра Нурминский Игорь	

Я сам учился в школе № 1 (!) г. Москвы (!). Это была новая школа, и мы – первый ее выпуск. Из нашего класса на физфак МГУ поступили трое: Байматова Люда, Капитонов Игорь и я, Глушков Миша; и еще Лена Макарычева – из другого класса нашей же школы. У нас был прекрасный учитель физики Константин Михайлович Савостьянов и очень любимый нами классный руководитель Леонид Исидорович Мильграм, учитель истории. Наш класс до сих пор встречается; мы приглашаем и наших любимых учителей. Несколько лет назад Леониду Исидоровичу за большой вклад в дело народного образования (он работал потом директором английской школы) присвоено звание “Почетного гражданина города Москвы”. Обладателей такого звания совсем немного. (А 23 января 2008 г. звание “Почетного гражданина города Москвы” присвоено ректору МГУ им. Ломоносова Садовничему Виктору Антоновичу.) В школе Мильграма учились известные в стране люди – актер Евгений Жариков, журналист Артем Боровик и другие. О нашем Л.И. Мильграме до сих пор пишут московские и центральные газеты.

Я рассказал лишь о своем классе. Если же посмотреть на список, то можно видеть, что таких классов, школ, откуда на наш курс пришло сразу несколько выпускников, немало. И не только из московских школ!

Так, школа № 14 (Москва) сделала прекрасный вклад в наше курсовое братство: Астафьев Анатолий (закончил учебу на физфаке позже – в 1965 г.), Боголюбов Коля, Вдовиченко Наташа, Наумкина Рита. А из школы № 211 (тоже Москва) из одного класса поступили сразу три золотых медалиста (причем все – пройдя собеседование): Важник Нила, Петрова Таня, Федоров Валерий. Из г. Зеленодольска Татарской АССР (одна школа, один класс) к нам приехали Юра Ибаев и Игорь Нурминский.

К сожалению, всех перечислить трудно. Но в списке представлены все, о ком знаем на сегодняшний момент. Если есть еще подобные пары, тройки и т.д. – скажите, мы расширим список. Это ведь так интересно!

В заключение я от имени каждого из нас и от всех вместе хочу сказать “великое спасибо” нашим школьным наставникам. Спасибо, спасибо и еще раз спасибо вам, дорогие наши учителя!

Учебный процесс

Выдержки из статьи в газете “Советская Россия” от 17 ноября 1957 г.

У НИХ ОДНА ЦЕЛЬ

Тишину молекулярной лаборатории нарушают щелканье секундомеров и бульканье капель. Над приборами склонились первокурсники.

Здесь – представители разных народов. Китаец **Ши Шуан-уй**, уроженец далекой деревушки Яо-ян, определяет коэффициент внутреннего трения жидкостей. Учить физику нелегко, особенно на неродном языке. Но **Ши Шуан-уй** упорно овладевает наукой.

– Хорошее оборудование лабораторий, – говорит он, – позволяет проводить увлекательные работы, помогающие лучше понять предмет.

У соседнего прибора – русская девушка **Наташа Сахарова** и египтянин **Мухаммед Юсеф Али**. Если студенту из Каира что-нибудь непонятно, на помощь ему, как и остальным 15 египетским студентам и аспирантам, охотно приходят русские друзья.

Разные пути привели в Московский университет девушку с Волги, юношей с Янцзы и Нила. Но у них одна цель: овладев наукой, применить полученные знания на благо людям.

На физическом факультете МГУ учится около трех тысяч человек. Это юноши и девушки сорока национальностей: русские и буряты, грузины и коми, башкиры и якуты, адыгейцы и кумыки... В дружной семье народов СССР чувствуют себя, как дома, итальянцы и румыны, бирманцы и поляки, чехи и корейцы...

Целина

Выдержки из газеты “Московский университет на целине”
(г. Петропавловск)

1) № 9 от 26 сентября 1958 г. «**Звено крепкой цепи**»:

Наше звено в составе **Коли Степанова, Толи Воронина, Саши Петухова, Алмаза Акманова и Володи Мнускина** было организовано с первых дней приезда на целину. Как мы работали – об этом говорят факты.

Сначала наше звено работало на заготовке самана. Надо сказать, что, несмотря на трудную и грязную работу, ребята трудились с огоньком и ежедневно выработывали по 3–4 нормы. С таким же успехом потрудились звено и на заготовке силоса. Так, **Алмаз Акманов и Володя Мнускин** перевыполняли норму в 5 и более раз.

Сейчас звено работает на заготовке дерна, который идет на строительство коровника и других сооружений, возводимых руками физиков. И здесь работа кипит! Благодаря правильной организации труда, ребята трудятся за двоих, а то и за троих.

Хорошая традиция – ежедневно перевыполнять норму – существует в нашем звене неизменно.

В оставшееся время нам предстоит показать себя на уборке зерна. Надеюсь, что и здесь наши ребята потрудятся во всю силу и помогут совхозу быстрее убрать хлеба.

Мы призываем всех студентов МГУ, находящихся на целине, в оставшееся время организовать работу так, чтобы быстрее убрать зерно. Это будет нашим вкладом в казахстанский миллиард.

Борис БУРДИН, студент физического факультета

2) № 9 от 26 сентября 1958 г. «**Хроника соревнования...**»:

Вымпел “Лучшему факультету по силосованию кормов” завоевали физики. Они выработали за это время по 565% нормы. На втором месте – юристы...

Знаменитое звено комбайновых агрегатов физиков награждено вымпелом лучшего факультета по работе комсомольских агрегатов.

3) № 6 от 5 сентября 1958 г. «**Потому что нам нельзя без песен**»:

Поздний вечер. Концертная бригада физиков с шумов въехала во “владения” филологов и географов. Грузовик, преодолев солидное расстояние от Ждановского до Булаевского совхоза, остановился. Короткая передышка, и концерт начался.

Вдохновенно читает произведение М. Горького **Марина Артеменко**. А вслед за ней **Юрий Рыбаков** исполняет украинскую песню “Дивлюсь я на небо”. Весело сплясали “Цепочку” девушки второй бригады...

С успехом выступил **Анатолий Широков** (наш побратим по целине – студент 3-го курса). Лихо отплясывая цыганский танец, он

одновременно пел задорные частушки – жанр особенно популярный здесь, в целинных совхозах.

Но аудитория горячо встречала не только частушки, песни и танцы. Рассказы-фельетоны в мастерском исполнении **Марины Артеменко** (на украинском языке) были встречены громкими, “долго не смолкающими” аплодисментами...

А когда концерт окончился, зрители на прощание подхватили наш боевой и жизнерадостный студенческий “Глобус”:

Потому что мы народ горячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Чтобы в сердце не закралась плесень.

Письмо получено из бригады физиков

4) № 9 от 26 сентября 1958 г....

Редакция нашей газеты обратилась к ряду товарищей с вопросом: **“Что вам дала целина?”** Ниже мы публикуем некоторые из полученных ответов (*здесь приводится только один из них – от нашего однокурсника*):

За два месяца жизни на целине мы узнали друг друга больше, чем за год учебы. Неожиданно и ярко блеснули характеры тех скромных тружеников, которые, может быть, не были особенно заметны в обычной будничной обстановке, сошла внешняя мишура с ребят, завоевавших в прошлом какой-то авторитет красивой, но пустой болтовней. Это — главное, что нам дала целина.

Калан АЛЛАБУТТАЕВ, студент физического факультета

Наша первая группа

Мы собрались вместе, как и другие группы курса, которые мы считаем первыми, в середине сентября 1957 г. Ниже приведен список 18 группы на I курсе.

№		Откуда	Кафедра
1	Арнольд Наталья	г. Рузаевка, Мордовия	физ.низк.темп.
2	Бушева Людмила	г. Краснодар	хим.физики
3	Бюро Эльрад	г. Торопец, Тверская обл.	молек.физики
4	<i>Васильев Валя</i>		
5	Георгадзе Марина	Москва	биофизики
6	Глушков Михаил	Москва	теории колеб.
7	Долголенко Анатолий	Москва	ядро
8	<i>Жуковская Алла</i>		
9	Иванов Сергей	Москва	общ.физ. д/мехмата

10	Карнаухов Валерий	г. Новомосковск, Тульская обл.	атомн. физики
11	Качинский Георгий	Москва	радиофиз. СВЧ
12	<i>Комарович Нина</i>	<i>Москва</i>	
13	Копецкий Владислав	чех	
14	Копештянский Йозеф	словак	
15	Косоруков Александр	Москва	яд. спектр.
16	Лукешова Елена	чешка	
17	Молокова Татьяна	г. Тушино (Москва)	физ. кристаллов
18	Нистор Корнелл	румын	
19	Пиффл Войтех	чех	
20	Поляченко Валерий	Москва	теор.
21	<i>Протопопов Виктор</i>		
22	<i>Руновский Константин</i>	<i>Москва</i>	
23	Саевский Феликс	Москва	теор.
24	Туманов Олег	Москва	атомн. физики
25	Фомушкина Тамара	Москва	физ. низк. темп.
26	<i>Хахилева Галя</i>		
27	Чекалин Николай	Москва	атомн. физики
28	Чирина Людмила	Москва	теории колеб.
29	<i>Цветков Евгений</i>		
30	Яцкульяк Квидо	словак	

Мы все были разными и приехали в МГУ из разных мест; москвичей, правда, было существенно больше. Были среди нас и иностранцы: 2 чеха, чешка, 2 словака, румын. Приглядывались друг к другу. Разговаривали обо всем на свете.

Семинары по физике вел у нас Виктор Геннадиевич Зубов – харизматическая личность, живой автор задачника; жизнерадостный, с юмором человек. Мы любили его занятия. Как-то продиктовал он задачу, в которой “зайчик” от проекционного фонаря бежит по стене. А румын Корнелл удивляется – как это “заяц” может по стене бегать? Виктор Геннадиевич и мы вместе с ним весело смеемся.

Как и другие студенты I курса, мы ездили в колхозы (одним днем), посылали десанты на демонстрации, ходили в Лужники на праздник масленицы.

Но по-настоящему нас сдружила целина. Ездили практически все из группы. И с тех пор – всегда вместе. Кроме учебы – праздники, походы,

колхозы. Даже когда разбрелись по кафедральным группам (см. список) – все равно тянулись друг к другу.

На II курсе в нашу группу пришли

31	Лисовская Ирина	Москва	биофизики
32	Шлиппе Галина	Москва	теории колеб.

Но несколько человек, к сожалению, не выдержали трудностей учебы на физфаке и были отчислены или перешли на другие факультеты, или в другие вузы. В списке их фамилии выделены курсивом.

В нашей (18–28–38) группе сформировалось 5 супружеских пар:

Арнольд Наташа – Карнаухов Валерий,
Лукешова Лена – Пиффл Войтех,
Фомушкина Тамара – Долголенко Толя,
Георгадзе Марина – Косоруков Саша,
Молокова Таня – Глушков Миша.

Из них 2 пары состоят в браке до сих пор. Кроме того, в коллектив нашей группы влились и некоторые другие однокурсники. Олег Туманов привел к нам Наташу Осадчую (ныне – Туманову), Галя Шлиппе – Женю Виноградова, а румын Корнелл Нистор – Ларису Свешникову из астрономической группы.

По завершении учебы на физическом факультете МГУ – как и все однокурсники – мы разбежались кто куда: москвичи – в московские научные институты (трое остались на родном факультете), иногородние – в близкое Подмосковье: Черноголовку, Пущино, Долгопрудный. И только семья Тумановых укатила в далекую Африку, а Валера Поляченко (москвич!) – в Сибирь (Новосибирск, Иркутск). Лет через 5 все “командировочные” вернулись в столицу. Уехали же из Москвы, и навсегда, лишь наши иностранцы, вернувшиеся в свои родные края.

Трудовая жизнь членов нашей группы сложилась, в основном, удачно. Среди нас – 4 доктора и 7 кандидатов физ.-мат. наук, авторы изобретений, а Поляченко – лауреат Государственной премии. Об успехах наших иностранцев увы ничего не знаем.

Есть и продолжатели нашего дела – дети и внуки наших однокашников. Крупный специалист широкого спектра научной деятельности (проблемы климата, биофизика клетки, явления старения и др.) – сын Карнауховых. У В. Поляченко сын – доктор физ.-мат. наук по астрофизике. В настоящее время трое внуков большой семьи нашей группы – студенты физфака МГУ. А у Тумановых недавно родился правнук! Вот так-то!

К сожалению, есть среди нашего коллектива и потери. Нет с нами Марины Георгадзе и Тамары Фомушкиной. Но мы их не забываем.

Мы до сих пор дружны – ежегодно встречаемся, перезваниваемся и знаем друг о друге многое. И нам всегда интересно вспоминать учебу, университет. У нас есть любимые песни, поем их под гитару; смотрим фотографии.

Однажды, лет через 15 после окончания МГУ, в Москву приезжал наш чех Пиффл. Тут же собрались 18-й группой, посмотрели друг на друга, поговорили о мировых проблемах. А когда в Прагу ездила Наташа Карнаухова, ее встретил и возил по городу Йозеф Копештянский. Здорово было!

У каждого из нас есть, безусловно, и другие круги дружеского общения, но нашу первую 18 группу мы не забываем и называем ее словами из песни:

Команда молодости нашей,
Команда – без которой нам не жить!

А началось все – в далеком 1957 году!

МЫ ТРУДИЛИСЬ!

А.С. Логгинов, Т.М. Глушкова

Наши студенческие годы (молодость, задор, энтузиазм, курсовое братство...) – вспоминать об этом периоде нашей жизни даже по прошествии полувека – не просто удовольствие, а своеобразная биологическая добавка, дающая заряд бодрости и оптимизма. Сколько мы успели за время учебы в МГУ! Прежде всего, мы получили превосходное образование и прекрасную профессию. Это главное. Но наша общественная комсомольская деятельность сплотила, объединила нас, сдружила на всю жизнь. И это не менее важно.

Можно было бы выбрать какое-либо одно из общественно-полезных дел и рассказать о нем подробнее, но мы попытались хотя бы перечислить всё, что помним, – и это, скажем, не хвастаясь, – впечатляет!

Итак, наши студенческие годы: **1957 (сентябрь) — 1963 (январь)**.

1. Лето 1957 года. Вступительные экзамены. Золотые и серебряные медалисты, прошедшие успешно собеседование – первые и сдавшие два экзамена – вторые, еще до приказа о зачислении едут в колхозы подшефного МГУ Можайского района: Мышкино, Батынково, Борисово. Работали на заготовке сена, собирали урожай овощей.
2. Сентябрь – октябрь 1957 года (I курс). Однодневные поездки в колхозы на уборку картошки.
3. Весна 1958 года (I курс). Воскресники по уборке территории МГУ, ЦПКО им. Горького, стадиона Лужники и др.
4. Лето 1958 года, 20 июля – 25 октября. (Учебный год на II курсе

начался для нас, подумать только!, 27 октября.) Целина, Казахстан, совхоз Ждановский. На целине сначала занимались строительством: строили коровники, птичники, амбары, жилые дома, школу; сушили и убирали сено. Но главным делом, вне всякого сомнения, была уборка зерновых: работали на комбайнах, которые, кстати, сами и отремонтировали; на току, на элеваторе и др. По окончании страды все наши целинники были награждены почетными грамотами, значками ударников “За освоение новых земель”.

5. **Н.В.** Официально считается, что движение студенческих строительных отрядов родилось в 1959 году. Но вызрела идея ССО у комсомольского руководства уже нашим целинным летом 1958 г. Начальник физфаковского отряда целинников 1958 г. В.Д.Письменный на вечере, посвященном 20-летию ССО (1979 год, соответственно), сказал: “Нам, физикам, не нужно объяснять, что выбор любой системы отсчёта – дело условное”. Так что наш целинный 1958 год нельзя исключить из цепи ССО физического факультета, это самое начальное (предпервое) её звено.
6. Когда мы учились на II курсе (1958–1959 гг.), в МГУ повсеместно стали вводить самообслуживание: в столовых студенты сами стали убирать посуду; из лифтов исчезли лифтеры; в раздевалках дежурили аспиранты и студенты; на входах в корпуса (даже в Главном здании МГУ) стояли и проверяли пропуска сотрудники, а мы, студенты, работали в должностях уборщиц, поломоек, мусорщиков. Убирали аудитории, коридоры, лестницы и лестничные клетки, туалеты, выносили мусор, мыли щетки и тряпки для досок. Приходили к 7 утра (старались переночевать в общежитии, часто тайком и нелегально). А с 10 часов (тогда это было так) начинались занятия. Трудовой аврал был растянут во времени на целую неделю. И так два раза в семестр.
7. Лето 1959 года (после окончания II курса – весенняя сессия окончилась в середине июля, ведь начинали-то учебный год на два месяца позже из-за поездки на целину). Работа на строительстве Китайского посольства на улице Дружбы. С Китаем тогда крепко дружили! И китайских студентов на нашем курсе до их “культурной революции” было немало. В столовой зоны “Б” Главного здания МГУ был даже сектор китайской кухни.
8. III курс (1959 – 1960 гг.). По инициативе комсомольского бюро факультета учебное расписание было составлено так, что один из 6 учебных дней был свободен от аудиторных занятий и практикума. В этот день в течение всего учебного года мы работали на стройках – строили здания (жилые и не только) на окраине Москвы, там, где теперь раскинулись проспекты Ленинский и Вернадского, на строительстве Московской кольцевой автодороги и множестве других объектов. Одновременно учились в школах каменщиков и плотников, приобретая рабочие специальности, готовясь к более квалифици-

- рованными строительным работам.
9. Лето 1960 г.(между III и IV курсами) Совхоз Клементьевский Можайского района – деревни Клементьево, Настасьино и др. Обработывали (прополка, полив, рыхление окучивание) посадки овощей и картофеля; заготавливали сено, дрова; занимались легкими строительными работами.
 10. Лето 1961 г. После IV курса большая мужская часть курса вместо военных сборов демонтировала оборудование станции орудийной наводки СОН-4 в классах военной кафедры, располагавшейся на 8-м этаже Главного здания. Блоки станции спускали в бездонные подвалы Главного здания. Станция, которую мы изучали, была снята с вооружения, и в войсках ее уже не было. Интересно, что наш курс был последним из трех курсов физического факультета, на которых прохождение военной подготовки было обязательным и для девочек! После этого обучения и сдачи Государственного экзамена все мы получили звание младшего инженер-лейтенанта зенитной артиллерии.
 11. Лето 1961 г. (после IV курса, продолжение). Работа (почти квалифицированная) по сооружению гидроэлектростанции погружного типа на реке Шексна в Вологодской области (в системе Волго-Балтийского канала). Работали рядом с поселенцами, отбывшими срок заключения в многочисленных лагерях ГУЛАГ. В округе их было не менее пяти.
 12. В течение всех лет учебы – субботники и воскресники по уборке территорий Университета (в том числе Ботанического сада МГУ), московских парков и стадионов. Осенью сгребали и убирали опавшую листву; весной – очищали улицы от мусора, скопившегося в зимнее время; сажали кусты и деревья.
 13. Те, кто жили в общежитии, поочередно в течение всего периода проживания, дежурили по этажу, убирали в блоках и сантехнических узлах. Аврально убирали коридоры, гостиные, кухни.
 14. Все годы – работа энтузиастов в комсомольском оперативном отряде и народной дружине по охране общественного порядка в общежитии, на территории МГУ и в городе.
 15. На всех курсах – донорство. Таких проблем, как сейчас, с нехваткой донорской крови, в Москве (стране?) не было. Студенты выручали. Стояли толпами, чтобы сдать кровь. А в награду получали талоны на обед в профессорскую столовую и освобождение от занятий на пару дней. Обедали с удовольствием, а занятий, как правило, не пропускали.

Все, о чем мы здесь написали, действительно было в нашей студенческой жизни. Даже не верится! Но как много это дало нам – труд на благо общества, на благо родного отечества; труд задаром или за копейки (ну и что с того?!), ведь это труд сделал человека человеком! Как приятно сознавать – мы трудились!

НАШИ ПЕСНИ

К 50-летию поступления на физфак МГУ

Слова В.Ф. Бутузова

Исполняется на мелодию «Прощального вальса» из кинофильма «Розыгрыш» (Когда уйдем со школьного двора....).

Как хорошо, что мы собрались здесь.
Родной физфак зовет к себе и манит.
Всем, кто пришел, тому хвала и честь.
А кто совсем ушел – святая память.
Воспоминанья радуют и ранят.
Как хорошо, что мы собрались здесь.

А 50 годов тому назад
Мы на физфак учиться поступили.
И вот теперь, туда бросая взгляд,
Мы понимаем, как прекрасно жили,
Как славно мы дружили и любили
Всего лишь 50 годов назад.

Спасибо Alma Mater'и родной
За то, что нас такими воспитала,
И пусть мы все покрыты сединой,
И пусть у нас потерь уже не мало,
За все, что было с нами и что стало,
Спасибо Alma Mater'и родной.

К 50-летию поступления на физфак МГУ

Л.А. Савров

1. Полсотни лет, полсотни лет!
Какие наши годы?
Встречай, любимый факультет,
Мы вновь стоим у входа.
Далёкий пятьдесят седьмой,
Дистанция – парсеки.
Но хвост трубой, ведь мы с тобой
Уж в двадцать первом веке!
2. Полсотни лет, полсотни лет!
Их много или мало?
Кого уж нет, того уж нет,
Но так всегда бывало.

За них мы пьём, пока живём,
Они же с нами рядом
Сидят за праздничным столом
Целинным стройотрядом.

3. Полсотни лет, полсотни лет!
Но рано по квартирам.
Ландау, Бор и Архимед –
Вот наши ориентиры.
Ещё ползёт электрокар,
Толкая «серый камень»,
Ещё горит в душе пожар,
И спорят лёд и пламень.
- 4 Полсотни лет, полсотни лет!
У нас уж дети, внуки,
А мы в ответ: «Физкульт-привет!
Ещё грызём науки!»
Бегут года, но не беда,
Нам главное – собраться,
Чтоб сохранялось навсегда
Студенческое братство.
- 5 Назад пять раз полсотни лет:
Поморье, Холмогоры,
Московский Университет,
И Воробьёвы Горы.
А мы опять, как в двадцать пять,
Нахально крутим носом:
И на чины нам начихать,
Спасибо, Ломоносов!
- 6 Пройдёт ещё полсотни лет,
Но будет цел фарватер
Другой исполнит свой куплет
Про нашу альма-матер.
И пусть без нас, но, как сейчас,
Знакомая картина:
Огонь горячих юных глаз
И все поют «Дубину»!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В нынешнем 2008 году исполнилось 45 лет с того времени, когда мы распрощались со студенческим периодом нашей жизни. Дата эта не очень круглая, не полностью юбилейная, но мы решили ее все-таки отметить. И не только потому, что в этом же году отмечается 75-летний юбилей физфака.

В прошлом году мы отметили полувековой юбилей нашего поступления в МГУ, а в 2013 году исполнится полвека со времени выпуска нашего курса. Но до этого следующего юбилея еще надо дожить... К сожалению, подобные задачи, как известно, не имеют общего положительного решения. Наверное, нам уже пора переходить на режим ежегодных встреч, чтобы хотя бы таким способом уменьшить число необратимых потерь за время между нашими встречами.

Сергей Есенин в 1924 году написал такие строчки: «Мы теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать. Может быть, и скоро мне в дорогу Бренные пожитки собирать». Все мы по возрасту уже много старше Сергея Александровича, и эти его слова не стоит воспринимать как нечто нас совсем не касающееся, независимо от того, сколько мы собираемся еще прожить.

У каждого из нас есть свои личные «пожитки», в том числе и объединяющие нас всех воспоминания о студенческих годах. Давайте продолжим их собирать с тем, чтобы к следующему юбилею издать максимально полное собрание наших воспоминаний. И пусть настоящий небольшой сборник окажется малой частью тех воспоминаний, о которых нам еще предстоит написать.